

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

3/2022

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
 редакция «Российского юридического журнала».
 Тел./факс (343) 375-54-20.
 E-mail: ruzh@usla.ru.
 electronic.ruzh.org.
 Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Лучинкин Ф. М. (Ижевск)</i> Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.....	5
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Соколов Г. Г. (Москва)</i> Особенности внесудебного взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи нотариуса.....	15
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Лифанов Д. М. (Екатеринбург)</i> Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики.....	23
--	----

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

<i>Зыкова О. А. (Новосибирск)</i> Соглашение о защите и поощрении капиталовложений в России: проблемы правового регулирования.....	35
--	----

ПРОБЛЕМНАЯ ЛЕКЦИЯ

<i>Малинова И. П. (Екатеринбург)</i> Философия права для аспирантов-юристов.....	43
--	----

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Ялаева Н. В. (Москва), Садыкова Н. В., Аникина М. С. (Екатеринбург)</i> Формирование навыков публичных выступлений на занятиях по английскому языку	57
--	----

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

<i>Чуркин А. П. (Екатеринбург)</i> Решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, как акт прокурорского реагирования	64
---	----

CONTENTS

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Luchinkin F. (Izhevsk)* Problems of using the results of operative-research activities
 in criminal procedure proving.....5

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Sokolov G. (Moscow)* The features of out-of-court debt collection
 by means of an executive inscription of the notary15

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Lifanov D. (Yekaterinburg)* Revision of decisions on the cases of administrative offenses
 in electronic form: issues of theory and law enforcement practice23

ECONOMICS AND LAW

- Zykova O. (Novosibirsk)* An agreement on the protection and promotion
 of capital investments in Russia: problems of legal regulation35

A PROBLEM LECTURE

- Malinova I. (Yekaterinburg)* Philosophy of law for postgraduate law students43

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

- Yalaeva N. (Moscow), Sadykova N., Anikina M. (Yekaterinburg)* Formation
 of public speaking skills in English classes.....57

STUDENTS' BULLETIN

- Churkin A. (Yekaterinburg)* A decision to suspend the activities
 of a public or religious association carrying out extremist activities
 as a prosecutor's response act.....64

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лучинкин Федор Михайлович

Соискатель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Ижевск),
ORCID: 0000-0001-8184-769X, e-mail: fedor-luchinkin@mail.ru.

Следственная форма определяет возможность и способы использования в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Сравнительный анализ доктринальных подходов к проблематике использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД позволяет определить предел модернизации следственной модели доказывания. Сегодня переход к состязательной уголовно-процессуальной модели доказывания по объективным причинам невозможен. Проблема оптимизации использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД может быть решена только в контексте сохранения существующей, т. е. следственной, уголовно-процессуальной модели. Решение этой проблемы через создание оперативно-розыскного права представляется неправильным. Категоричный запрет на использование в доказывании результатов ОРД необходимо снять, поскольку он устарел и не соответствует сложившимся правовым реалиям. В перспективе в увязке с реформой предварительного расследования возможна более радикальная деформализация использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, доказывание, уголовное судопроизводство, следственная модель, состязательная модель

Для цитирования: Лучинкин Ф. М. Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_5.

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEDURE PROVING

Luchinkin Fedor

Applicant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Izhevsk),
ORCID: 0000-0001-8184-769X, e-mail: fedor-luchinkin@mail.ru.

The investigative form determines the possibility and methods of using the results of operative-research activities in proving in criminal cases. A comparative analysis of doctrinal approaches to the problem of using the results of operative-research activities in criminal procedure proving makes it possible to determine the limit of modernization of the investigative model of proving. At present, the transition to an adversarial criminal procedure model of proving is impossible for objective reasons. The problem of optimizing the use of the results of operative-research activities in criminal procedure proving may be solved only if the existing, i. e. investigative, criminal procedure model is preserved. The approach to solving this problem through the creation of operative-research law seems to be wrong. The categorical ban on using the results of operative-research activities in proving must be lifted, since it is out-

dated and does not correspond to the prevailing legal realities. In the future, a more radical deformatization of the use of the results of operative-research activities in proving in criminal cases is possible in conjunction with the reform of the preliminary investigation.

Key words: results of operative-research activities, proving, criminal proceedings, investigative model, adversarial model

*For citation: Luchinkin F. (2022) Problems of using the results of operative-research activities in criminal procedure proving. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_5.*

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) представляет собой самостоятельную разновидность ретроспективного познания преступления. Поэтому бесспорна ее ключевая роль в правовом механизме противодействия преступности в ее наиболее опасных и замаскированных проявлениях¹. Никакие другие «средства» не могут заменить результаты этой деятельности в уголовно-процессуальном доказывании².

Не вызывает споров правовой и познавательный характер результатов ОРД, на что указано в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ. Принципиальное сходство подходов законодателя к определению доказательств (ст. 74 УПК РФ) и результатов ОРД (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) также свидетельствует о родстве этих феноменов.

Однако в самом законе (ст. 89 УПК РФ, ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – ФЗ об ОРД) и в доктрине заложено принципиальное различие между доказательствами и результатами ОРД, подчеркивается недопустимость непосредственного использования в доказывании последних. В современной теории уголовно-процессуальных доказательств отсутствует единство по вопросам о доказательственном значении результатов ОРД, критериях их отличия от «настоящих» уголовно-процессуальных доказательств. Правовая неопределенность статуса результатов ОРД существует и в правоприменительной практике. Правовые стандарты проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) подвержены существенным изменениям. Все это негативно сказывается на выявлении и раскрытии наиболее опасных и замаскированных преступлений.

Можно выделить несколько подходов к объяснению правовой природы результатов ОРД, оптимальной процедуры их использования в доказывании по уголовному делу.

Согласно первому подходу, который сформировался в советский период – до официального признания феномена ОРД, результаты ОРД могут быть использованы исключительно в качестве ориентирующей информации для построения версий, производства процессуальных действий и не могут применяться как доказательства. Советская доктрина исходила из того, что ОРД имеет вспомогательное по отношению к процессу доказывания значение для раскрытия преступлений³; сведения, полученные в результате проведения ОРМ, используются для «поиска доказательств, но не как доказательства»⁴.

Заметим, что советская уголовно-процессуальная доктрина во многом унаследовала подход к оценке доказательственного значения ОРД, который сформировался

¹ Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. М.: СПАРК, 1996. С. 3; Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2001. С. 79; Шумилов А. Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сыскалога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2. С. 7.

² Левченко О. В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 72.

³ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М.: Наука, 1966. С. 38; Дорохов В. Я. Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе: в 2 т. Т. 1: Часть общая / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 301.

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 71.

в русской уголовно-процессуальной теории периода действия Устава уголовного судопроизводства¹ (далее – УУС).

Негласное расследование, или розыск (ст. 254 УУС), имело своим предметом событие, обладающее признаками преступления, и осуществлялось негласно; полицейское дознание (ст. 253 УУС) имело своим предметом преступление и осуществлялось процессуальными средствами предварительного следствия. При этом акты полицейского дознания допускались к прочтению в судебном следствии лишь в том случае, когда при составлении их полиция заменяла судебного следователя и когда сами акты составлялись с соблюдением правил, установленных законом для следователей. Поэтому для придания полицейскому протоколу силы следственного акта требовалось точное указание на то, что он составлен в соответствии со ст. 258 УУС, т. е. когда полиция заменяла судебного следователя. Необходимо было также, чтобы в полицейские протоколы не включались свидетельские показания². Из этого следует, что самостоятельного доказательственного значения результаты негласного розыска полиции не имели, «растворяясь» в результатах дознания и (или) предварительного следствия. При этом точного, формального разграничения негласного полицейского производства (сыска и дознания) и предварительного судебного производства (осуществляемого судебным следователем) УУС не предусматривал. Негласный розыск и дознание, производимые полицией, как бы «сливаясь» с предварительным следствием, преследовали общую цель – действительное выяснение картины преступления или события, имеющего признаки такового³.

Таким образом, ни в советский период, ни во время действия УУС не существовало проблемы использования в доказывании, в судебном следствии результатов негласного уголовного розыска. Она была искусственно создана позднее – после принятия в 1992 г. первого закона об ОРД⁴ и доктринального признания ОРД как самостоятельного правового феномена⁵.

Потребность в отграничении ОРД от уголовного процесса была осознана в советской правовой культуре после критического осмысления сталинских репрессий и роли в них спецслужб, а также принятия следственного стандарта доказывания по УПК РСФСР 1961 г. Лицемерие советской доктрины состояло в том, что она закрывала глаза на распространенную практику внепроцессуального информирования судьи о результатах ОРД, что подчас предопределяло его решение⁶.

Отсутствие феномена ОРД как самостоятельного правового явления исключало сам предмет спора о природе ОРД, равно как о ее результатах.

В постсоветской юридической парадигме указанный подход может считаться устаревшим. Хотя и сейчас есть специалисты, отказывающие результатам ОРД в статусе доказательств⁷. К их числу можно отнести Е. А. Долю, по мнению которого, результаты ОРД не могут и не должны рассматриваться как доказательства даже после проверки уголовно-процессуальными методами, ибо проверяются сами доказательства, а не результаты ОРД⁸. Свой тезис этот автор основывает на том, что результаты ОРД и доказательства различаются по источнику, содержанию, методам получения. Источники ОРД – это уполномоченные законом субъекты, а источники доказательств – лица, имеющие определенный процессуальный статус; содержание оперативно-розыскных данных шире, чем содержание доказательств по уголовному делу; методы

¹ Устав уголовного судопроизводства: сист. коммент. Ст. ст. 249–594 / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. С. 583–587, 593–596, 600–604.

² Там же. С. 602.

³ Там же. С. 583.

⁴ Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности».

⁵ Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. С. 4.

⁶ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. С. 5.

⁷ Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52; Сорокин И. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Концепт. 2014. № 12. С. 146.

⁸ Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 39.

собираения оперативной информации – ОРМ, а методы соби́рания доказательств – следственные и судебные действия¹.

Несмотря на кажущуюся правильность, подобные рассуждения не соответствуют общему смыслу действующего законодательства и реалиям правоприменительной практики. Суды, оценивая допустимость результатов ОРМ, исходят не только из требований уголовно-процессуального закона, но и норм оперативно-розыскного законодательства. Есть множество приговоров, в которых суды прямо ссылаются на ФЗ об ОРД, другие нормативные правовые акты² в обоснование допустимости использования в доказывании результатов ОРД³.

Можно утверждать, что правила документирования хода и результатов гласных и негласных ОРМ различной отраслевой принадлежности имеют значение гарантий законности и обеспечения прав личности, а также их достоверности, т. е. составляют межотраслевой правовой стандарт допустимости их представления и исследования в суде в качестве судебных доказательств.

Хотя правовой определенности, единой судебной практики по данному вопросу нет, можно согласиться с тем, что сегодня наблюдается тенденция к унификации правового стандарта проведения некоторых, например гласных, ОРМ и формы следственных действий, а потому и доказательственное значение тех и других может трактоваться как одинаковое⁴. В уравнивании результатов ОРД и доказательств, получаемых в уголовно-процессуальной форме, заключается суть второго подхода. Его представителями являются многие видные российские ученые⁵. Так, по мнению В. М. Бозрова, в ОРД, независимо от того, проводится она до или во время уголовного процесса, уже присутствует процессуальный, правовой аспект. В обоснование данного вывода он приводит следующие доводы: во-первых, часть ОРМ проводится по судебному решению; во-вторых, лицо, ведущее производство по уголовному делу и иницилирующее ОРД, само наделено процессуальными полномочиями; в-третьих, ФЗ об ОРД входит в систему источников уголовно-процессуального права⁶.

Таким образом, в рамках данного подхода при сохранении существующей формы досудебного производства предлагается уравнивать в доказательственном значении результаты ОРД и уголовно-процессуальной деятельности. Оговорки сторонников этого подхода о том, что результаты ОРМ, содержащие сообщаемые лицами сведения, не должны иметь самостоятельного доказательственного значения без их проверки в ходе судебных допросов, не меняют существа указанного подхода⁷.

¹ Доля Е. А. Указ. соч. С. 39.

² Приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»; приказ Министерства внутренних дел РФ от 1 апреля 2014 г. № 199 (ред. от 17 апреля 2017 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

³ См., например: приговор Малмыжского районного суда Кировской области от 23 июня 2020 г. по делу № 1-2/19/2020 (12001330008000003) о признании С.К.Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ; приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 8 октября 2020 г. по делу № 1-185/2020 о признании виновным О.И.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ.

⁴ Муравьев М. В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 241–245.

⁵ Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 48; Александров А. С., Терехин В. В., Кухта А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81; Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. 2012. № 4. С. 32–35.

⁶ Бозров В. Указ. соч. С. 48.

⁷ Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 15.

Именно второй подход к пониманию правовой природы результатов ОРД, с нашей точки зрения, заслуживает положительной оценки, поскольку учитывает, с одной стороны, отличие ОРД от уголовно-процессуальной деятельности, а с другой – удовлетворяет практическую потребность в использовании результатов ОРД в доказывании с наименьшими процессуальными издержками. По нашему мнению, важным достоинством этого подхода является его целесообразность и прагматичность. Не менее важно и то, что он не предполагает проведение радикальной реформы предварительного расследования и разрушение существующего уголовно-процессуального «строя».

К указанному подходу примыкает позиция М. П. Полякова, согласно которой результаты ОРД являются альтернативными доказательствами и их оценка на предмет уголовно-процессуальной допустимости происходит в рамках самой ОРД¹. По мнению сторонников этой концепции, правила допустимости оперативной информации остаются, но проверка на предмет их соблюдения переносится на этап оперативного документирования.

В целом концепция о допуске к использованию в доказывании результатов ОРД предполагает унификацию уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной формы, но не их параллельное существование, к которому ведет создание самостоятельной отрасли права (оперативно-розыскного).

При всех своих различиях первый и второй подходы сходятся в том, что результаты ОРД фактически признаются доказательствами, хотя формально таковыми не являются. Значит, корень проблемы – в следственной форме. И различия в подходах определяются тем, насколько радикально их сторонники предлагают эту форму изменить или даже отменить. Необходимо иметь в виду возможность исключения самого понятия ОРД, как это было в модели доказывания по УУС и в первых советских кодексах или как это имеет место в тех правовых системах, где нет ОРД как правового явления, сосуществующего и конкурирующего с «классическим» уголовно-процессуальным доказыванием.

В рамках третьего подхода к пониманию правовой природы результатов ОРД констатируется, что ОРД как деятельность негласная нуждается в процессуальном контроле, иначе высок риск привлечения к уголовной ответственности лиц по непроверенным данным. Оперативно-розыскные данные могут обрести доказательственное значение, но только после того, как будут проверены уголовно-процессуальными средствами на предмет их соответствия требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом². Из этого вытекает положение о том, что «...изначально материалы оперативно-розыскных мероприятий доказательствами не являются. Они представляют собой лишь сведения об источниках фактов, которые в дальнейшем, после надлежащего процессуального закрепления, могут стать доказательствами по уголовному делу»³.

Поскольку этот подход более всего совпадает с требованиями закона, его можно считать господствующим. Он подтверждает свою действенность в судебной практике, где суды, оценивая результаты ОРД, часто делают акцент на проведении их уголовно-процессуальной проверки в ходе следствия. Так, Верховный Суд РФ констатировал, что «документы оперативно-розыскной деятельности исследованы путем производства предусмотренных УПК РФ следственных действий, вследствие чего они приобрели статус допустимых доказательств»⁴.

Однако этот подход испытывает кризис из-за упреков в формализме, снижении потенциала ОРД в противодействии преступности. На практике его былая безоговорочность ставится под сомнение решениями судов, в которых проявляется тенденция к непосредственному использованию в судебном доказывании результатов ОРД. Опыт показывает, что закрепленная в законе правовая модель использования в доказыва-

¹ Поляков М. П. Указ. соч. С. 54–55.

² Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма : Инфра-М, 2014. С. 108.

³ Назаров М. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4. С. 107–111.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10 февраля 2014 г. по делу № 2-104/13.

нии результатов ОРД не вполне соответствует современным условиям¹. Некоторые исследователи прямо утверждают, что без ликвидации запрета, предусмотренного ст. 89 УПК РФ, сложно говорить об эффективном применении в судебном доказывании результатов ОРД². Как отмечает В. В. Терехин, на методологическом уровне следует ставить вопрос об использовании в доказывании результатов ОРД в контексте перехода от следственного стандарта допустимости доказательств к состязательному стандарту³.

Именно на состязательный стандарт в его радикальном варианте предлагают ориентироваться сторонники следующего подхода – «радикального». По их мысли, следует кардинально переформатировать организацию досудебного производства, включая ОРД⁴. С определенными оговорками возможность такой трансформации в связи с принятием нового уголовно-процессуального кодекса допускает В. С. Балакшин⁵.

От тезиса об искусственности разделения ОРД и уголовного процесса легко перейти к утверждению о необходимости «слить» ОРД и уголовный процесс в рамках концепции уголовного розыска в широком смысле, или полицейского дознания, т. е. осуществляемой под процессуальным руководством прокурора деятельности полицейских органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступления и изобличению его виновника, получению обвинительных доказательств в обоснование уголовного иска⁶.

Сторонники «радикального» подхода предлагают стереть формальные разграничения между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью. По их мнению, в обвинительно-состязательном процессе ОРД составляет один из уголовно-процессуальных институтов⁷. При таком подходе, как отмечает М. В. Муравьев, наиболее последовательно реализована идея соединения гласной ОРД и уголовно-процессуального доказывания в виде гласных и тайных розыскных следственных действий⁸.

Возможность реализации в позитивном праве подобного проекта подтверждает опыт правового развития ряда стран бывшего СССР, которые пошли по пути создания институтов «негласных розыскных действий» или «специальных следственных действий». Например, в УПК Украины есть гл. 21 «Негласные следственные (розыскные) действия», где под ними понимается разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ч. 1 ст. 246)⁹. Согласно ч. 1 ст. 256 «Использование результатов негласных следственных (розыскных) действий в доказывании» УПК Украины протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут

¹ Балакшин В. С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 101.

² Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 12–13, 32; Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 9–10, 210–214.

³ Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 235.

⁴ Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 4. С. 49–57; Его же. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

⁵ Балакшин В. С. Указ. соч. С. 91–101.

⁶ Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию. С. 62.

⁷ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015.

⁸ Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 12–14.

⁹ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изм. и доп. по состоянию на 16 августа 2022 г.) // Информ. система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-142 (дата обращения: 19.09.2022).

использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий во время досудебного расследования.

Аналогичные институты негласных и гласных следственных действий существуют в законодательстве Казахстана и Кыргызстана. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 228 УПК Кыргызской Республики протоколы специальных следственных действий, видео- и аудиозапись, фотосъемка, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании на тех же основаниях, как и результаты других следственных действий¹. В ч. 2 ст. 120 УПК Республики Казахстан говорится: «Материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных действиях, полученные с соблюдением требований законов Республики Казахстан „Об оперативно-розыскной деятельности“, „О контрразведывательной деятельности“, являются документами и могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств»².

Однако такой вариант разрешения проблемы использования в доказывании результатов ОРД в нашей стране сегодня неприемлем. Основной причиной, препятствующей его реализации, является общая политико-правовая неготовность как власти, так и практических работников к новым правилам игры на уголовно-правовом поле. «Процессуализация ОРД» в ходе реформы предварительного расследования будет означать «тектонический сдвиг» в системе уголовной юстиции. Издержки от такой перестройки пока перевешивают возможные плюсы от нее. Представляется сомнительной ломка исторически сложившейся в России системы уголовной юстиции и ее построение по западным образцам в переживаемый сейчас период конфронтации с Западом.

В заключение надо сказать еще об одном подходе к разрешению анализируемой нами проблемы, который предложен теорией оперативно-розыскной деятельности. Внутренняя логика развития этой науки (и учебной дисциплины) привела ее представителей к концепции оперативно-розыскного, или уголовно-сыскного, права (законодательства)³, оперативно-розыскного кодекса⁴, который содержал бы систему норм, регулирующих порядок проведения ОРМ по аналогии со следственными действиями. Мы разделяем критическую оценку такого рода проектов. Это тупиковый путь развития отечественной правовой системы, пример умножения сущности без необходимости⁵.

Полагаем, что проблема допустимости результатов ОРМ в качестве доказательств может быть разрешена при сохранении существующего – смешанного – типа уголовного судопроизводства и следственного досудебного производства. Нет препятствий для того, чтобы на нормативном уровне приравнять результаты ОРД к доказательствам при условии смягчения категоричной формулировки, содержащейся в ст. 89 УПК РФ. В связи с этим предлагаем следующую редакцию ст. 89 УПК РФ: «Результаты оперативно-розыскной деятельности в виде материалов и информации, полученные и представленные в соответствии с действующим законодательством, могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств».

В отдаленной перспективе может быть проведена реформа предварительного расследования и реализован более радикальный проект использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов гласной и негласной деятельности органов уголовного розыска и предварительного расследования по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и изобличению причастных к их совершению лиц.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (с изм. от 18 января 2022 г.) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 19.09.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 12 сентября 2022 г.) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.09.2022).

³ Шумилов А. Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Правоведение. 1995. № 1. С. 45–51.

⁴ Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2015. № 4. С. 73–75.

⁵ Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции. С. 56; Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 5, 12, 220.

Список литературы

Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 4. С. 49–57.

Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. 2012. № 4. С. 32–36.

Александров А. С., Терехин В. В., Кухта А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81.

Балакшин В. С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 91–101.

Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. 208 с.

Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.

Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46–48.

Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52.

Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 299 с.

Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. М.: СПАРК, 1996. 111 с.

Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 38–42.

Дорохов В. Я. Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе: в 2 т. Т. 1: Часть общая / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 291–312.

Левченко О. В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 68–75.

Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2015. № 4. С. 73–75.

Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 297 с.

Муравьев М. В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 241–245.

Назаров М. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4. С. 107–111.

Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. 260 с.

Сорокин И. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Концепт. 2014. № 12. С. 146–150.

Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.

Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 510 с.

Устав уголовного судопроизводства: сист. коммент. Ст. ст. 249–594 / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. 944 с.

Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 317 с.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма : Инфра-М, 2014. 240 с.

Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2001. 225 с.

Шумилов А. Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1. С. 45–51.

Шумилов А. Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сысолога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2. С. 3–13.

References

Aleksandrov A. S. (2001) Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviyu [What should not be a preliminary investigation]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 54–62.

Aleksandrov A. S. (2013) Reforma politsii, reforma obvinitel'noi vlasti Rossii – put' k evrointegratsii [Police reform, reform of the prosecutorial power of Russia – the path to European integration]. In *Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika*, no. 4, pp. 49–57.

Aleksandrov A. S. (Ed.) (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei* [The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it]. Moscow, Yurlitinform, 299 p.

Aleksandrov A. S., Kucheruk D. S. (2012) Rezul'taty ORM – baza prigovora? Stat'ya 1. Rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Results of operational-search activities – the base of the sentence? Article 1. Russian and international experience]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 4, pp. 32–36.

Aleksandrov A. S., Terekhin V. V., Kukhta A. A. (2009) O pravovom znachenii rezul'tatov glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii dlya ugolovnogo dela i reformy dosudebnogo ugolovnogo protsesssa [About legal value of results of public operational-search actions for criminal case and for reform of pre-judicial criminal trial]. In *Ugolovnoe pravo*, no. 6, pp. 77–81.

Balakshin V. S. (2021) Ispol'zovanie materialov administrativnoi deyatelnosti i rezul'tatov operativno-rozysknykh meropriyatii v dokazyvanii po ugovolnym delam [The use of materials of administrative activities and results of research operations in criminal procedure proving]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 91–101.

Bednyakov D. I. (1991) *Neprotsessual'naya informatsiya i rassledovanie prestuplenii* [Non-procedural information and investigation of crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 208 p.

Belkin R. S. (1966) *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collection, research and evaluation of evidence: essence and methods]. Moscow, Nauka, 295 p.

Bozrov V. (2004) Rezul'tatam operativno-rozysknoi deyatelnosti – status dokazatel'stv [The results of operational-search activity should have the status of evidence]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 4, pp. 46–48.

Dolya E. A. (1996) *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti* [The use of the results of operational investigative activities in proving]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, SPARK, 111 p.

Dolya E. A. (2007) Rezul'tatam operativno-rozysknoi deyatelnosti nel'zya pridavat' status dokazatel'stv v ugovolnom protsesse [Detective data should not be deemed an evidence]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 6, pp. 38–42.

Dorokhov V. Ya. (1966) Ponyatie dokazyvaniya [The concept of proof]. In Zhogin N. V. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse: in 2 vol. Vol. 1 Chast' obshchaya*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 291–312.

Gernet M. N. (Ed.) (1914) *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva: sistemicheskii kommentarii*. St. st. 249–594 [The Statute of Criminal Proceedings: a systematic comment. Articles 249–594]. Moscow, Tovarishchestvo Tipografii A. I. Mamontova, iss. 3, 944 p.

Grigor'ev V. N. (2018) Nekotorye suzhdeniya o rezul'tatakh operativno-rozysknoi deyatelnosti [Some judgments on results of operational-search activity]. In *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess*, no. 2, pp. 48–52.

Levchenko O. V. (2003) Ugolovno-protsessual'noe poznanie i ego rol' v ustanovlenii istiny po delu [Criminal and procedural notion and its role in establishing the truth in the case]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 68–75.

Lugovik V. F. (2015) Kontseptsiya i novatsii proekta operativno-rozysknogo kodeksa [Conception and novations of the draft of the crime detection code]. In *Nauchnyi vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii*, no. 4, pp. 73–75.

Murav'ev M. V. (2021) *Ispol'zovanie v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii informatsii, poluchennoi v khode glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii: dis. ... kand. yurid. nauk.* [The use of information obtained in the course of public operational investigative measures in criminal procedural proving: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 297 p.

Murav'ev M. V. (2021) K voprosu o pravovom fenomene glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii kak elemente formirovaniya ugovolno-protsessual'nykh dokazatel'stv [To the question of the legal phenomenon of public operational-search measures as an element of the formation of criminal procedural evidence]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 1, pp. 241–245.

Nazarov M. V. (2021) Perspektivy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti v ugovolnom protsesse [Prospects of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings]. In *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, no. 4, pp. 107–111.

Polyakov M. P. (2001) *Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 260 p.

Sheifer S. A. (2014) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma : Infra-M, 240 p.

Shmatov M. A. (2001) *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti v sisteme ugolovno-pravovykh nauk* [Theory of operational investigative activity in the system of criminal law sciences]. Volgograd, Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 225 p.

Shumilov A. Yu. (1995) K formirovaniyu ugolovno-rozysknogo prava [On the formation of the criminal investigation law]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 45–51.

Shumilov A. Yu. (2014) Poisk sushchnosti sovremennoi operativno-rozysknoi deyatel'nosti: vzglyad syskologa [Search for the essence of modern operational investigative activity: the view of a detective]. In *Operativnik (syshchik)*, no. 2, pp. 3–13.

Sorokin I. N. (2014) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Using the results of operational and investigative activities in criminal proceedings]. In *Kontsept*, no. 12, pp. 146–150.

Terekhin V. V. (2016) *Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Admissibility of evidence in criminal proceedings: a doctor of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 510 p.

Utkin V. V. (2020) *Ispol'zovanie v sudebnom dokazyvanii po ugolovnym delam rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [The use of the results of operational investigative activities in judicial evidence in criminal cases: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 317 p.

Zhogin N. V. (Ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal process], 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 734 p.

ОСОБЕННОСТИ Внесудебного взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи нотариуса

Соколов Георгий Гочевич

Ведущий специалист отдела сложноструктурированных сделок адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Главная Буква» (Москва),
ORCID: 0000-0002-5312-6024, e-mail: GSokolov@mainletter.ru.

В статье исследуется понятие бесспорности как квалифицирующего признака исполнительной надписи нотариуса. Проводится сравнительный анализ институтов исполнительной надписи нотариуса и приказного производства. Автор делает вывод о явном нарушении баланса интересов при обжаловании совершенной исполнительной надписи должником ввиду его повышенной сложности и многоступенчатости. Изучаются особенности взыскания задолженности по кредитным договорам и обращения взыскания на заложенное имущество с использованием исполнительной надписи нотариуса. Анализируется ряд спорных ситуаций, в том числе связанных с проблемой акселерации долга при взыскании задолженности с использованием исполнительной надписи. Предлагаются варианты реформирования данного института. Подчеркивается необходимость имплементации в кредитные соглашения условия о возможности взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи.

Ключевые слова: исполнительная надпись, нотариус, судебный приказ, бесспорность, залог, кредитный договор, досрочное взыскание

Для цитирования: Соколов Г. Г. Особенности внесудебного взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи нотариуса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 15–22. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_15.

THE FEATURES OF OUT-OF-COURT DEBT COLLECTION BY MEANS OF AN EXECUTIVE INSCRIPTION OF THE NOTARY

Sokolov Georgy

Lead specialist, «Main Letter» Law Offices of St. Petersburg (Moscow),
ORCID: 0000-0002-5312-6024, e-mail: GSokolov@mainletter.ru.

The article researches the concept of indisputability as a qualifying feature of the notary's executive inscription. A comparative analysis of the institutions of the notary's executive inscription and writ proceedings is carried out. The author concludes that there is a clear violation of the balance of interests when appealing an affixed executive inscription by the debtor, due to its increased complexity and multi-step nature. The features of debt collection under credit agreements and foreclosure on mortgaged property by means of the notary's executive inscription are studied. The analysis of a number of controversial situations, including those related to the problem of debt acceleration in debt collection by means of an executive inscription, is carried out. Options for the reformation of the given institute are proposed. The author underlines that the loan agreements must include the condition on the possibility of debt collection by means of an executive inscription.

Key words: executive inscription, notary, court order, indisputability, pledge, loan agreement, loan acceleration

*For citation: Sokolov G. (2022) The features of out-of-court debt collection by means of an executive inscription of the notary. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 15–22, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_15.*

В странах латинского нотариата, в число которых входит Российская Федерация, исполнительная сила традиционно считается квалифицирующим признаком не только судебного решения, но и нотариального акта. Законодательство таких стран, как Австрия, Бельгия, Германия и Испания, признает наличие исполнительной силы за нотариальным актом. Обратную позицию занимает законодатель в Швейцарии, Англии, Ирландии.

Во Франции нотариальный акт, как и судебное решение, обладает непосредственной исполнительной силой. Предварительного согласия должника на обращение нотариального акта к принудительному исполнению не требуется: он исполним как таковой на основании исполнительной надписи (*copie ex cutoire*) нотариуса¹. Для французского правопорядка характерно признание за нотариальным актом не только доказательственной, но и исполнительной силы в случае представления так называемой исполнительной копии (*grosse*). Акт в простой письменной форме не имеет непосредственной исполнительной силы и может быть обращен к исполнению только на основании соответствующего судебного решения при условии, что его стороны не оспорили свои подписи или судья признал их подлинность².

Нотариальный акт может быть исполнен и на территории иностранного государства при наличии соответствующего соглашения, а также в соответствии с Регламентом № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (с изм. и доп. от 26 ноября 2014 г.).

В отечественном правопорядке наиболее явным признаком исполнительной силы обладает исполнительная надпись нотариуса. В. Н. Аргунов определяет исполнительную надпись нотариуса как «нотариальное действие, направленное на придание исполнительной силы долговым и платежным документам»³, и как «распоряжение нотариуса о взыскании с должника причитающейся взыскателю определенной суммы денег или истребовании движимого имущества»⁴.

Законодатель не дает определения данного термина, однако исходя из системного толкования гл. XVI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 2 июля 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 29 декабря 2021 г.) (далее – Основы) можно сформулировать следующую дефиницию исполнительной надписи нотариуса: это акт, направленный на придание исполнительной силы документам, подтверждающим право на взыскание задолженности в бесспорном порядке.

Статьей 90 Основ в совокупности с постановлением Правительства РФ от 1 июня 2012 г. № 543 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей» установлен закрытый перечень документов, по которым возможно взыскание с использованием института исполнительной надписи.

Ригоризм вышеназванных норм обуславливается требованием к бесспорному характеру прав, обеспечиваемых путем совершения данного нотариального действия, что роднит его с институтом приказного производства (п. 3 ч. 3 ст. 125 Гражданского процессуального кодекса РФ, п. 3 ч. 3 ст. 123.4 Кодекса административного судопроизводства РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229.4 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Аналогичная позиция была изложена в определении Конституционного Суда РФ от 6 июля 2001 г. № 1590-О.

Следует согласиться с позицией К. А. Корсика о том, что применительно к деятельности нотариусов по совершению исполнительных надписей трудно говорить об отсутствии юридического конфликта между сторонами, поскольку именно его разре-

¹ Сошникова М. П. Совершенствование порядка обращения взыскания на заложенное имущество: сравнительно-правовой аспект // Исполнительное право. 2010. № 1. С. 16–20.

² Лемуан Д. Доказательственная и исполнительная сила нотариального акта во Франции / пер. с фр. И. Г. Медведева // Нотариат за рубежом: позитивный опыт: материалы и статьи / отв. ред. И. Г. Медведев. СПб.: Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. Вып. 7. С. 171–176.

³ Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате / отв. ред. М. К. Треушников. М.: Юриспруденция, 2002. С. 161.

⁴ Правовые основы нотариальной деятельности: учеб. пособие / под ред. В. Н. Аргунова. М.: Бек, 1994. С. 70.

шение осуществляется путем применения соответствующей нотариальной процедуры¹. А. М. Коновалов полагает, что «выработанный судами в приказном производстве подход к отнесению требования кредитора к разряду бесспорных вполне может быть успешно применен и при разрешении вопроса о совершении нотариусом исполнительной надписи»².

Вместе с тем необходимо учитывать различия данных институтов, а также значительно меньший круг документов, по которым возможно взыскание с использованием исполнительной надписи. Обязательным условием применения последней является включение в договор пункта о возможности взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи. Такой пункт должен недвусмысленно выражать волю и согласие сторон на применение этого института³. Данное условие вполне можно трактовать как оговорку о применимом праве. Полагаем, что иной подход может создать почву для злоупотреблений со стороны должника.

Позиция судов по вопросу отмены исполнительной надписи ввиду нарушения принципа бесспорности сводится к тому, что простое несогласие должника без обоснованных возражений не влечет отмены исполнительной надписи (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 сентября 2021 г. № 88-18755/2021). Однако если ранее кредитор обращался в суд за выдачей судебного приказа (гл. 29.1 АПК РФ или гл. 11 ГПК РФ), а в суд поступили возражения со стороны должника и судебный приказ был отменен, то и в совершении исполнительной надписи должно быть отказано (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2021 г. по делу № 88-22525/2021).

Институт исполнительной надписи нотариуса, пришедший в отечественный правовопорядок *de lege ferenda*, с целью уменьшить нагрузку на судей в рамках приказного производства, предоставляет в настоящий момент широкие возможности для оперативной реализации кредитором своих прав.

Судебный приказ выдается в случае, если размер денежных требований не превышает 500 тыс. руб. (п. 1 ст. 121 ГПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 229.2 АПК РФ), тогда как исполнительная надпись совершается вне зависимости от объема требований кредитора. Отмена исполнительной надписи представляет собой для должника более обременительный процесс, чем отмена судебного приказа. Так, особый порядок оспаривания исполнительной надписи регулируется нормами гл. 37 ГПК РФ вне зависимости от субъектного состава спора. Арбитражный суд компетенцией по рассмотрению подобных требований не обладает (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2020 г. № 09АП-43400/2020 по делу № А40-111495/2020).

Согласно ст. 40 Основ по общему правилу нотариальные действия совершаются любым нотариусом вне зависимости от совпадения нотариального округа с юридическим адресом гражданина или юридического лица. Совершение исполнительной надписи нотариусом законодательством РФ не отнесено к числу исключений из данного правила. В результате кредитор, обращаясь к нотариусу, местонахождение которого удалено от местонахождения должника, создает дополнительные трудности не только для определения должником территориальной подсудности, но и для фактической реализации им права на представление своих интересов в суде.

Безусловно, добросовестный должник, не согласный с исполнительной надписью, может ошибочно обратиться к нотариусу с общеисковым заявлением, содержащим нематериальное требование об отмене такой надписи, а кредитор по данному делу будет либо соответчиком, либо обладать статусом третьего лица. В качестве основания иска обычно фигурирует только нарушение процедуры выдачи исполнительной надписи нотариусом. Столкнувшись с подобным процессуальным поведением судам следует переходить к рассмотрению требований по правилам гл. 37 ГПК РФ⁴.

¹ Корсик К. А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 174–179.

² Коновалов А. М. Исполнительная надпись нотариуса как инструмент для злоупотребления правом // Нотариус. 2021. № 2. С. 3–5.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 декабря 2020 г. № Ф07-12016/2020 по делу № А26-10342/2019.

⁴ Катуква С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // Нотариус. 2020. № 7. С. 45–48.

Предметом доказывания по таким спорам будет факт нарушения нотариусом ст. 90, 91.1, 91.2, 92, 94.1–94.3 Основ.

Если заявителем по делу об оспаривании исполнительной надписи является потребитель, то он теряет те права, которыми обладает в рамках Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 14 июля 2022 г.) «О защите прав потребителей»¹.

По всей видимости, при установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о наличии спора о праве между кредитором и должником, в силу ч. 3 ст. 310 ГПК РФ подобный спор должен быть рассмотрен в порядке искового производства. Указанная норма несколько «выравнивает» баланс интересов кредитора и должника, особенно если в роли должника выступает потребитель, так как к последнему в результате такого процессуального перехода возвращаются права, предусмотренные отраслевым законом².

Представляется, что подобный «двухступенчатый» способ защиты прав должника, особенно в сравнении с порядком отмены судебного приказа, дает кредитору слишком явное преимущество, что может привести к злоупотреблениям с его стороны.

Должник уведомляется нотариусом в случае, если взыскание не обращается на заложенное имущество, уже после совершения надписи, в течение трех рабочих дней. Закрепление срока, в течение которого нотариусом направляется извещение должнику, важно, в том числе, для определения начала срока возможного обжалования исполнительной надписи. Исходя из ст. 91.2 Основ и ст. 310 ГПК РФ, срок на обжалование надписи начинается отсчитываться спустя десять дней с момента получения указанного извещения³.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 91 Основ исполнительная надпись совершается, если со дня, когда обязательство должно было быть исполнено, прошло не более двух лет. Указанная норма до вступления в силу редакции Основ от 6 декабря 2011 г. соотносила право на совершение исполнительной надписи с правом на иск. В случае если одной из сторон правоотношения являлся гражданин, срок исчислялся тремя годами, а в связи с отношениями между предприятиями, учреждениями, организациями – одним годом. При наличии специального срока исковой давности исполнение производилось в соответствии с ним.

Похожее соотношение сроков в настоящее время применяется для исчисления срока для предъявления исполнительной надписи к исполнению. Согласно ст. 94 Основ исполнительная надпись, если взыскателем или должником является гражданин, может быть предъявлена к принудительному исполнению в течение трех лет со дня ее совершения, а если и взыскателем, и должником являются предприятия, учреждения, организации – в течение одного года при условии, что законодательством РФ не установлены иные сроки. Частично бланкетный характер данной нормы обуславливается различными основаниями прерывания срока предъявления исполнительного документа, которым в силу п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 февраля 2022 г.) «Об исполнительном производстве» является исполнительная надпись.

Особый практический интерес представляет возможность осуществления внесудебного взыскания с обращением к институту исполнительной надписи нотариуса по кредитным договорам, а также по договорам залога.

Статья 90 Основ, устанавливающая перечень документов, по которым производится взыскание задолженности с использованием исполнительной надписи, долгое время имела бланкетный характер, но после вступления в силу редакции Основ от 3 июля 2016 г. была существенно обновлена. Одной из новелл стало включение в указанный перечень кредитных договоров (за исключением договоров кредитования микрофинансовыми организациями) при наличии в них условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса.

¹ Гуреев В. А. Исполнительная сила как свойство нотариального акта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 17–20.

² Информация Роспотребнадзора «О позиции Роспотребнадзора в отношении возможности взыскания задолженности по кредитному договору с потребителем по исполнительной надписи нотариуса». URL: https://www.rospotrebнадzor.ru/deyatelnost/zpp/?ELEMENT_ID=7400 (дата обращения: 04.03.2022).

³ Пешкова (Белогорцева) Х. В., Кашурин И. Н., Макаров О. В. и др. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

Сегодня полностью не разрешен вопрос, связанный с особенностями совершения исполнительной надписи при акселерации долга по кредитному договору. Статьей 813 Гражданского кодекса РФ установлено, что при невыполнении заемщиком предусмотренных договором займа обязанностей по обеспечению возврата суммы займа, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, если иное не предусмотрено договором.

Досрочное взыскание задолженности является априори значительно более дискуссионным вопросом, нежели взыскание уже просроченной задолженности¹.

Положительный ответ на вопрос о легитимности досрочного взыскания кредита с использованием института исполнительной надписи был дан в абз. 4 п. 7 информационного письма Федеральной нотариальной палаты от 30 мая 2018 г. «По вопросам внесудебного порядка обращения взыскания на заложенное имущество и совершения исполнительных надписей на кредитных договорах» (далее – Письмо ФНП). В этом же пункте Письма ФНП указано, что предоставление должником документов, подтверждающих погашение задолженности по графику, в таких случаях не свидетельствует о надлежащем исполнении обязательств и не является основанием к отказу от совершения исполнительной надписи. Данная позиция, по сути, легитимирует любые условия кредитных договоров, регулирующих досрочное взыскание задолженности, вне зависимости от оценки добросовестности кредитора или же судебной практики при таком обращении.

В судебной практике устоялась позиция о признании недействительным договорного условия о праве кредитора инициировать досрочный возврат потребительского кредита при уменьшении стоимости заложенного имущества (п. 5 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г.). Исходя из Письма ФНП, нотариус признает подобное требование не только законным, но и бесспорным и совершит исполнительную надпись.

Более того, суды склонны признавать ряд оснований для акселерации долга недействительными в зависимости от фактических обстоятельств, в том числе со ссылкой на ст. 10 ГК РФ. Примером является акселерация банком долга в ситуации, когда должник является ответчиком по гражданскому делу с мизерными, явно не соответствующими объему долга перед банком исковыми требованиями. С высокой долей вероятности во взыскании судом будет отказано, так как фактически удовлетворение иска в отношении должника никак не ухудшит обеспечение банка. В такой ситуации для банка открывается возможность обращения к институту исполнительной надписи нотариуса, который, исходя из толкования Письма ФНП, должен признать подобное требование законным и бесспорным.

Законодатель закрепил в отдельной гл. XVI.1 Основ нормы, регулирующие особенности совершения исполнительной надписи об обращении взыскания на заложенное имущество. Существенным отличием от ординарного совершения исполнительной надписи в данном случае является обязанность нотариуса совершить отдельное нотариальное действие – предложить залогодателю или должнику по обязательству, обеспеченному залогом, в случае, если залогодатель не является должником, исполнить данное обеспеченное залогом обязательство путем направления в адрес указанного лица уведомления и предоставления ему семидневного срока с даты получения указанного предложения для исполнения своих обязательств (ст. 94.2 Основ). Содержание такого уведомления регулируется чч. 2–4 ст. 94.2 Основ, а также приказом Минюста России от 7 июня 2012 г. № 95 «Об утверждении формы уведомления нотариусом залогодателя (должника) об исполнении обязательства, обеспеченного залогом». Нарушение условий совершения уведомления является основанием для отмены исполнительной надписи в судебном порядке. Порядок направления уведомления нотариуса с предложением залогодателю или должнику по обязательству,

¹ Байбак В. В., Иванов О. М., Карапетов А. Г. и др. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. С. 473–492.

обеспеченному залогом, исполнить это обязательство определяется ст. 55.2 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 28 октября 2021 г.) «Об ипотеке (залоге недвижимости)», а также ст. 165.1 ГК РФ.

В соответствии с п. 4 Письма ФНП при обращении взыскания на заложенное имущество необходимо одновременное соблюдение следующих условий: 1) сумма неисполненного обязательства составляет не менее 5 % от размера стоимости заложенного имущества; 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет не менее чем три месяца.

А. М. Коновалов указывает, что «должник, получивший вышеприведенное предложение, имеет полное право направить нотариусу свои возражения... При получении от должника таких возражений нотариус обязан будет отказать в совершении нотариального действия¹. Эту позицию следует признать неверной. Так, бесспорность является показателем объективности требований кредитора и не может быть поставлена в зависимость лишь от несогласия должника. По заявлению заинтересованного лица нотариус в силу ст. 41 Основ откладывает совершение нотариального действия на срок до десяти дней, и если в течение этого срока заинтересованное лицо (залогодатель или должник) не представит нотариусу судебный акт о принятии его заявления с оспариванием права или факта обращения залогодержателя о совершении исполнительной надписи, то нотариус совершает нотариальное действие (п. 3 Письма ФНП).

Совершение исполнительной надписи на договоре о залоге происходит в случае, если залогодатель в течение 14 дней с момента получения направленного в его адрес предложения исполнить обеспеченное залогом обязательство не представил доказательства исполнения или отсутствия основания для исполнения обязательства, а также доказательства принятия судом обеспечительных мер в отношении данного имущества (ст. 94.3 Основ). Соответственно, для обращения взыскания на предмет залога с точки зрения соблюдения сроков кредитору необходимо убедиться, что период просрочки обеспеченного залогом обязательства составляет не менее чем три месяца и что с момента получения залогодателем уведомления прошло 14 календарных дней. Представляется, что установление иных сроков в соглашениях между сторонами не будет основанием для их применения ввиду императивности указанных норм.

В случае взыскания задолженности по кредитному договору взыскателю в силу ст. 91.1 Основ необходимо представить копию уведомления о наличии задолженности, направленную должнику не менее чем за 14 дней до обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи, а также документа, подтверждающего направление указанного уведомления.

Часть профессионального сообщества полагала необходимым обязывать кредитора представлять аналогичные уведомления в части обращения взыскания на предмет залога с использованием исполнительной надписи нотариуса. Однако в силу принципа *Lex specialis derogat generali*, а также в соответствии с п. 6 Письма ФНП представление указанных документов не требуется.

В отличие от ординарного совершения исполнительной надписи, при внесудебном обращении взыскания на заложенное имущество с использованием данного института договор залога, содержащий такое условие, должен быть нотариально удостоверен (п. 6 ст. 349 ГК РФ). Указанное относится как к движимому, так и к недвижимому имуществу. В случае недвижимого имущества, если права залогодержателя удостоверены закладной, удовлетворение его требований за счет имущества, заложенного по договору об ипотеке, допускается, если условие об обращении взыскания во внесудебном порядке содержится как в закладной, так и в договоре об ипотеке и оба договора удостоверены нотариально (абз. 2 и 3 п. 1 ст. 55 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

Если кредитором были получены исполнительные надписи о взыскании задолженности по кредитному договору в связи с неисполнением должником обязатель-

¹ Коновалов А. М. Указ. соч. С. 3–5.

ства, обеспеченного залогом, и об обращении взыскания на заложенное имущество, то судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительные производства и объединяет их в сводное исполнительное производство в соответствии со ст. 34 Федерального закона «Об исполнительном производстве», п. 2.3 Методических рекомендаций по вопросам действий судебного пристава-исполнителя при обращении взыскания на заложенное имущество (утв. ФССП России 8 декабря 2015 г. № 0014/14).

Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел в первой инстанции за 2018 г., в суды поступило 5 685 720 дел о взыскании задолженности по кредитным договорам и договорам займа. В аналогичном отчете за 2020 г. указано, что в суды поступило уже 9 005 340 дел такой категории¹.

Очевидно, что нагрузка на судебную систему, в особенности на мировых судей, активно растет. В нынешнем виде институт исполнительной надписи нотариуса нельзя назвать совершенным с точки зрения соблюдения баланса интересов кредитора и должника, однако, исходя из зарубежного опыта, можно предположить, что именно он способен снизить нагрузку на судебную систему, вынужденную зачастую рассматривать абсолютно очевидные и бесспорные дела.

Таким образом, фактическое расширение перечня документов, по которым на основании исполнительных надписей взыскание задолженности производится в бесспорном порядке, следует признать удачным правовым решением. Кредитным организациям крайне рекомендуется включать в соглашения с заемщиками пункт о возможности взыскания задолженности с использованием данного института.

С учетом изложенного полагаем, что ряд нововведений, уравнивающих интересы кредитора и должника, могут сделать институт исполнительной надписи нотариуса полноценной заменой не только приказного, но и общеискового производства в соответствующей части.

Список литературы

Байбак В. В., Иванов О. М., Карапетов А. Г. и др. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. 974 с.

Гуреев В. А. Исполнительная сила как свойство нотариального акта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 17–20.

Катукова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // Нотариус. 2020. № 7. С. 45–48.

Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате / отв. ред. М. К. Треушников. М.: Юриспруденция, 2002. 444 с.

Коновалов А. М. Исполнительная надпись нотариуса как инструмент для злоупотребления правом // Нотариус. 2021. № 2. С. 3–5.

Корсик К. А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 174–179.

Лемуан Д. Доказательственная и исполнительная сила нотариального акта во Франции / пер. с фр. И. Г. Медведева // Нотариат за рубежом: позитивный опыт: материалы и статьи / отв. ред. И. Г. Медведев. СПб.: Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. Вып. 7. С. 171–176.

Пешкова (Белогорцева) Х. В., Кашурин И. Н., Макаров О. В. и др. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) // СПС «Консультант-Плюс». 2020.

Правовые основы нотариальной деятельности: учеб. пособие / под ред. В. Н. Аргунова. М.: Бек, 1994. 487 с.

Сошникова М. П. Совершенствование порядка обращения взыскания на заложенное имущество: сравнительно-правовой аспект // Исполнительное право. 2010. № 1. С. 16–20.

References

Argunov V. N. (Ed.) (1994) *Pravovye osnovy notarial'noi deyatel'nosti* [Legal bases of notarial activity]. Moscow, Bek, 487 p.

Baibak V. V., Ivanov O. M., Karapetov A. G. et al. (2019) *Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: postateinyi kommentarii k stat'yam 807–860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Loan,

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.03.2022).

credit, factoring, deposit and account: article-by-article commentary on articles 807–860.15 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, pp. 473–492.

Gureev V. A. (2017) Iсполnitel'naya sila kak svoistvo notarial'nogo akta [Executive force as a notarial acts' feature]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 3, pp. 17–20.

Katukova S. Yu., Nakhova E. A. (2020) K voprosu o sudebnom poryadke osparivaniya ispolnitel'noi nadpisi [On the judicial procedure for contestation of a writ of execution]. In *Notarius*, no. 7, pp. 45–48.

Konovalov A. M. (2021) Iсполnitel'naya nadpis' notariusa kak instrument dlya zloupotrebleniya pravom [Notarial writ of execution as a right abuse instrument]. In *Notarius*, no. 2, pp. 3–5.

Korsik K. A. (2021) Iсполnitel'naya nadpis' notariusa kak sposob razresheniya yuridicheskikh konfliktov [Notary's enforcement inscription as a way to resolve legal conflicts]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 11, pp. 174–179.

Lemuan D. (2006) Dokazatel'stvennaya i ispolnitel'naya sila notarial'nogo akta vo Frantsii [Evidential and executive power of a notarial deed in France]. In Medvedev I. G. (Ed.) *Notariat za rubezhom: pozitivnyi opyt. Tsentral'nykh issledovaniy: materialy i stat'i*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, iss. 7, pp. 171–176.

Peshkova (Belogortseva) Kh. V., Kashurin I. N., Makarov O. V. et al. (2020) Kommentarii k Osnovam zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o notariate (postateinyi) [Commentary on the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (article-by-article)]. In *SPS KonsultantPlyus*.

Soshnikova M. P. (2010) Sovershenstvovanie poryadka obrashcheniya vzyaskaniya na zalozhennoe imushchestvo: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Improving the procedure for foreclosing mortgaged property: a comparative legal aspect]. In *Iсполnitel'noe pravo*, no. 1, pp. 16–20.

Treushnikov M. K. (Ed.) (2002) *Kommentarii k Osnovam zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o notariate* [Commentary on the fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries]. Moscow, Yurisprudentsiya, 444 p.

ПЕРЕСМОТР ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ*

Лифанов Дмитрий Максимович

Аспирант кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0001-7911-0250, e-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

В статье рассматривается процедура обжалования постановлений по делу об административном правонарушении в электронной форме, предусмотренная ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ. Приводятся аргументы «за» и против» обжалования постановлений в электронной форме в качестве правового средства, обеспечивающего защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Рассматривается порядок подачи жалобы посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг, региональных порталов государственных и муниципальных услуг и информационных систем, действующих в двух крупнейших российских городах – Москве и Санкт-Петербурге. Проводится анализ судебной практики пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и процедурных правил, содержащихся в подзаконных нормативных правовых актах.

Ключевые слова: пересмотр дела об административном правонарушении, жалоба, информационные системы, цифровизация, административно-деликтное законодательство, административно-юрисдикционное производство

Для цитирования: Лифанов Д. М. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 23–34. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_23.

REVISION OF DECISIONS ON THE CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN ELECTRONIC FORM: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Lifanov Dmitriy

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0001-7911-0250, e-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

The article discusses the procedure for appealing decisions on the case of an administrative offense in electronic form, provided for in Part 3.1 of Art. 30.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author considers the pros and cons of the appealing decisions in electronic form as a legal means to ensure the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. The procedure for filing a complaint through the Unified Portal of Public Services, regional portals of public services and information systems operating in two largest Russian cities – Moscow and St. Petersburg – is investigated. An analysis of judicial practice of reviewing decisions on cases of administrative offences is given, taking into account the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the procedural rules contained in by-laws.

* Публикация подготовлена в рамках реализации научного проекта «Административно-деликтная политика государства в сфере модернизации законодательства о публично-правовой ответственности».

Key words: revision of a case of an administrative offense, complaint, information systems, digitalization, administrative tort legislation, administrative jurisdictional proceedings

*For citation: Lifanov D. (2022) Revision of decisions on the cases of administrative offenses in electronic form: issues of theory and law enforcement practice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 23–34, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_23.*

За последние десятилетия информационные технологии стали неотъемлемой частью общественной жизни. Существенное влияние информационные технологии оказывают на деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и учреждений, для которых они стали объективной потребностью. Реализация инициативы по созданию платформы «электронного правительства», повышающей прозрачность деятельности органов исполнительной власти и доступность государственных услуг для граждан и организаций, иллюстрирует новый подход к «цифровизации» государственного управления¹. Доступ к информационным технологиям позволяет обеспечить получение гражданами и организациями государственных и муниципальных услуг посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ). Представляется, что внедрение и повсеместное использование ЕПГУ во многом способствовало упрощению взаимодействия органов и учреждений, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, граждан и организаций – получателей услуг.

Информационные технологии оказали существенное влияние на реализацию и защиту конституционных прав граждан, в частности права на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане могут обращаться с жалобой в форме электронного документа, к которому могут прилагаться различные документы и материалы в электронной форме.

Установление порядка рассмотрения обращений граждан в электронной форме привело к росту общего числа поступающих жалоб и иных видов обращений. Согласно статистическим данным, размещенным на официальных интернет-ресурсах государственных ведомств и министерств, с начала пандемии COVID-19 в России общее количество обращений, поступивших в органы исполнительной власти, выросло почти наполовину (до 49,6 %)². Так, за 4-й квартал 2021 г. количество обращений граждан, направленных через официальный сайт МВД России (www.mvd.ru), возросло на 54,9 %, а количество обращений в форме электронного документа, поступивших в Управление Президента по работе с обращениями граждан, составило 79,4 %. По мнению Д. В. Леонова, данная тенденция продиктована необходимостью обеспечения дистанционного взаимодействия государственных органов и граждан³.

Процессы цифровизации и распространения информационных технологий оказали серьезное влияние на развитие административно-деликтного законодательства

¹ На официальном интернет-портале Правительства РФ реализована возможность подать жалобу и иные обращения в электронной форме. При этом жалоба может быть подана гражданами из любой точки мира, в любое время и подлежит рассмотрению в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». См.: Обращения граждан и организаций // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://services.government.ru/letters/> (дата обращения: 05.03.2022).

² Обзоры обращений МВД России // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Departament_deloproizvodstva_i_raboti_s/Informacija_o_rassmotrenii_obrashhenij (дата обращения: 05.03.2022); Обзоры обращений граждан // Минтруд России: офиц. сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/reception/reviews> (дата обращения: 05.03.2022); Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2021 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер // Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций: офиц. сайт. URL: <http://letters.kremlin.ru/digests/268> (дата обращения: 05.03.2022).

³ Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 63.

РФ. Изменения коснулись стадии пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях.

Анализ административно-деликтного законодательства стран СНГ, регулирующего порядок обжалования постановлений по делу об административном правонарушении, свидетельствует об отсутствии положений, закрепляющих право лица подать жалобу в электронной форме. Согласно ч. 2 ст. 827 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях жалоба подается в орган, должностному лицу, суд, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются, которые направляют ее в вышестоящий орган (должностному лицу) либо в соответствующий суд¹. Кроме того, жалоба может быть подана непосредственно в вышестоящий орган, должностному лицу или в суд. Аналогичная процедура обжалования предусмотрена в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь. Из буквального толкования ч. 2 ст. 13.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях² следует, что жалоба подается в суд или орган, ведущий административный процесс, которыми было вынесено постановление по делу об административном правонарушении. Далее жалоба направляется вместе с делом об административном правонарушении в суд, орган, которому она адресована и который уполномочен ее рассматривать.

В административно-деликтном законодательстве России в числе первых была закреплена норма, предусматривающая возможность подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в электронной форме, что, на наш взгляд, является важным шагом на пути создания централизованной системы направления жалоб в электронной форме, в том числе на базе ЕПГУ.

Процедура пересмотра постановлений (решений) выступает самостоятельной стадией производства по делу об административном правонарушении³ и урегулирована нормами гл. 30 КоАП РФ. Исходя из того, что стадия пересмотра является факультативной стадией в производстве по делам об административных правонарушениях, С. Д. Хазанов выделяет следующие ее цели. Во-первых, это обеспечение реализации прав лица, привлеченного к административной ответственности, либо потерпевшего на защиту от неправомерных действий и решений субъектов, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность. Во-вторых, это устранение допущенных нарушений, а также установление критериев законности или обоснованности процессуальных актов, которые были приняты на всех стадиях производства по делу об административном правонарушении, за исключением стадии исполнения дела⁴. Представляется, что проверка законности на стадии исполнения дела целесообразна, поскольку здесь возникает самостоятельный предмет обжалования и разрешаются вопросы, связанные с исполнением постановления о назначении административного наказания.

Процессуальный порядок подачи жалобы, предусмотренный гл. 30 КоАП РФ, предполагает подачу жалобы в вышестоящий орган, должностному лицу либо в суд (чч. 1–3 ст. 30.2 КоАП РФ). Отметим, что положения гл. 30 КоАП РФ не устанавливают другой возможности подачи жалобы в электронной форме, кроме как в порядке, предусмо-

¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по состоянию на 2 марта 2022 г.) // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68438 (дата обращения: 05.03.2022).

² Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З (в ред. от 11 января 2022 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100092&p1=1&p5=0> (дата обращения: 05.03.2022).

³ Большинство ученых-административистов разделяют точку зрения, в соответствии с которой административно-процедурное производство традиционно включает в себя четыре стадии: возбуждение дела, рассмотрение дела и принятие решения (акта), исполнение решения (акта), пересмотр решения (акта). См., например: *Шевцов А. В.* Место дисциплинарного производства и производства по жалобам в структуре административного процесса // Академическая мысль. 2020. № 2. С. 75–81; *Давыдов К. В.* Административная процедура: стадии возбуждения и рассмотрения административного дела // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 13–18; *Его же.* Административная процедура: стадии пересмотра административного дела и исполнения административного акта // Там же. № 11. С. 13–17.

⁴ *Хазанов С. Д.* Общая характеристика стадии пересмотра в производстве по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 69.

тренном ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ¹. Следовательно, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, как правило, подлежит направлению в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в суд на бумажном носителе. Нормативно установленный срок подачи жалобы на постановление по делу составляет десять суток со дня вручения или получения копии постановления (чч. 1–2 ст. 30.3 КоАП РФ). При этом данный срок может быть восстановлен по ходатайству лица, подающего жалобу, при наличии уважительных причин.

Определяя процессуальные сроки в рамках стадии пересмотра дела об административном правонарушении, С. Д. Хазанов констатирует, что установление общих временных рамок невозможно в силу объективных причин². По его мнению, сроки рассмотрения жалобы на постановление по делу могут быть дифференцированы в зависимости от действий лица, обращающегося с жалобой, либо органа, должностного лица, уполномоченного ее рассматривать. Указанное положение можно проиллюстрировать тем, что ходатайство лица, обращающегося с жалобой, о восстановлении пропущенного срока на обжалование постановления по делу об административном правонарушении, с одной стороны, может быть удовлетворено органом, должностным лицом, правомочным рассматривать жалобу, а с другой – может быть им отклонено (ч. 4 ст. 30.3 КоАП РФ). Таким образом, общий процессуальный срок обжалования постановления по делу удлиняется либо сокращается уполномоченным субъектом.

Несмотря на отсутствие закрепления в гл. 30 КоАП РФ права органа, должностного лица продлить срок рассмотрения жалобы, в законодательстве РФ применительно к другим специальным административным процедурам обжалования указанное право закреплено. Так, согласно Налоговому кодексу РФ срок рассмотрения жалобы может быть продлен, но не более чем на один месяц (ч. 6 ст. 140); согласно Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об исполнительном производстве» – не более чем на десять дней при запросе документов (ч. 3 ст. 124); согласно Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 16 февраля 2022 г.) «О защите конкуренции» – на семь дней однократно (ч. 14.1 ст. 18.1); согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 6 декабря 2021 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» – на 20 рабочих дней (ч. 2 ст. 43).

По завершении рассмотрения жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении уполномоченным субъектом выносится соответствующее процессуальное решение³. При этом Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что решение об отмене постановления по делу и о возвращении его на новое рассмотрение может быть вынесено только в случае существенного нарушения процессуальных требований, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело (п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП)⁴.

Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 471-ФЗ в КоАП РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми, начиная с 1 сентября 2021 г., жалоба на постановление по делу об административном правонарушении в случае его фиксации средствами, работающими в автоматическом режиме⁵, может быть подана через

¹ Данный тезис подтверждается выводами судов общей юрисдикции. См., например: определение Московского городского суда от 18 января 2022 г. № 7-0733/2022; определения Брянского областного суда от 1 февраля 2022 г. № 12-39/2022, от 7 февраля 2022 г. № 12-41/2022 и др.

² Хазанов С. Д. Указ. соч. С. 79.

³ В соответствии с ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ может быть вынесено одно из следующих процессуальных решений: 1) решение об оставлении постановления без изменения, жалобы – без удовлетворения; 2) решение, которым принятое в отношении лица постановление по делу изменяется, если при этом не происходит усиления административного наказания либо каким-либо иным образом не ухудшается его положение; 3) решение об отмене постановления и прекращении производства по делу об административном правонарушении; 4) решение о возвращении дела на новое рассмотрение органу, должностному лицу, уполномоченному его рассматривать.

⁴ Пункт 64 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.).

⁵ Автоматическим режимом считается работа «соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспорт-

ЕПГУ либо через сайт суда. В соответствии с ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ заявитель вправе обратиться с жалобой на «постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации этого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи»¹. Жалоба подается в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью или простой электронной подписью и направляемого посредством ЕПГУ. Кроме того, заинтересованное лицо вправе подать жалобу посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на сайте суда, при технической возможности последнего принять данную жалобу.

В научной литературе отмечалось, что на момент начала действия новой редакции ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ не все судебные учреждения могли в достаточной степени модернизировать свои технические средства². С учетом этого суды не могли одновременно принять к рассмотрению жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях в электронной форме. В связи с чем возникали различные процессуальные нарушения, выразившиеся в несоблюдении формы и порядка подачи жалобы.

Так, в решении от 2 февраля 2022 г. № 72-110/2022 Свердловский областной суд пришел к выводу, что процессуальный порядок, предусмотренный ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, допускает подачу жалобы посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Суд нижестоящей инстанции, возвращая поданную жалобу, указал, что она должна быть подписана и направлена в суд посредством электронной почты. Однако Свердловский областной суд не согласился с данными выводами, поскольку соответствующий порядок не предусмотрен ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ. Свердловский областной суд отменил определение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение, поскольку заявленные доводы лица, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, не были опровергнуты объективными данными.

Красноярский краевой суд в определении от 28 декабря 2021 г. № 7П-1542/2021 указал, что жалоба не может быть направлена по электронной почте в виде документа, изготовленного на бумажном носителе и переведенного в электронную форму с помощью средств сканирования. В соответствии с процессуальным порядком, предусмотренным ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, жалоба должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью или простой электронной подписью и подана посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда.

Представляется, что в указанных случаях судами первой инстанции неверно были истолкованы положения ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ. В соответствии с данной нормой жалоба не может быть направлена посредством отправки электронного письма. Лицу, обращающемуся с жалобой, необходимо заполнить соответствующую форму, размещенную на сайте суда, либо обратиться с жалобой с помощью ЕПГУ.

Помимо самой процедуры подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, изменения, внесенные в КоАП РФ Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 471-ФЗ, коснулись порядка направления решения по жалобе. Согласно этим изменениям с 1 сентября 2021 г. копия принятого решения по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении, за-

ном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица» (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

¹ Пермский краевой суд обратил на это внимание в определении от 10 декабря 2021 г. № 12-1558/2021. В частности, он указал, что не может быть подана в электронном виде жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, которое не было зафиксировано средствами, работающими в автоматическом режиме (например, при составлении сотрудниками ДПС ГИБДД протокола об административном правонарушении по ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ).

² Суховская М. Г. Какие ПДД-штрафы можно обжаловать через госуслуги и сайты судов // Главная книга. 2021. № 18. С. 91–92.

фиксированного техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото-, видеозаписи или киносъемки, может быть направлена в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием ЕПГУ в течение трех дней со дня вынесения указанного решения по жалобе (ч. 2 ст. 30.8 КоАП РФ)¹.

ЕПГУ представляет собой сложную информационную систему, состоящую из множества подсистем. Так, разрешение жалоб и иных видов обращений граждан и организаций обеспечивается посредством одного из 25 суперсервисов ЕПГУ. Подать жалобу на постановление по делу административном правонарушении в порядке, предусмотренном ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, можно через суперсервис «Обжалование штрафов онлайн», а в случае иных нарушений Правил дорожного движения и правил благоустройства – через суперсервис «Регистрация нарушений ПДД и правил благоустройства».

Инициатива Минкомсвязи России по созданию централизованного порядка направления жалоб в форме электронного документа через ЕПГУ была реализована в постановлении Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)», в котором было предложено сделать ЕПГУ «единым электронным окном для обращений и жалоб граждан в органы власти»². По мнению Д. В. Леонова, централизация направления жалоб в форме электронного документа на базе ЕПГУ существенно упрощает взаимодействие государства и граждан³. Однако, как отмечает исследователь, необходимо обеспечить более широкое распространение «электронного формата» среди граждан, четко организовать контроль соблюдения правил и сроков принятия, рассмотрения и направления решений по жалобам, а также систематизировать законодательство о досудебном обжаловании. Полагаем, что реализация данной идеи должна сопровождаться расширением перечня дел об административных правонарушениях, вынесенные постановления по которым могут быть обжалованы в электронной форме, поскольку порядок, предусмотренный ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, применяется только к отдельным составам административных правонарушений.

В субъектах РФ функционируют региональные порталы государственных и муниципальных услуг. Так, в Санкт-Петербурге создан Единый портал обращений граждан⁴, позволяющий через электронную приемную обратиться с жалобой в форме электронного документа на решения, действия (бездействие) исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга. Кроме того, данный сервис помогает получить информацию о ходе рассмотрения ранее поданных обращений.

Одним из наиболее развитых элементов региональной информационной инфраструктуры является система электронного взаимодействия граждан и организаций с органами исполнительной власти Москвы. На официальном портале мэра и Правительства Москвы представлены различные информационные сервисы, позволяющие подать жалобу на постановления сотрудников Московской административной дорожной инспекции (далее – МАДИ), ГКУ «Администратор московского парковочного пространства» (далее – АМПП)⁵. Так, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана онлайн через раздел «Услуги» на официальном портале мэра и Правительства Москвы (*mos.ru*), портале «Автокод»

¹ Внесены изменения в статьи 30.2 и 30.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_sibfo/activity/legal-education/explain?item=62149294 (дата обращения: 05.03.2022).

² Устинова А. Ответ в окне: на единую систему по сбору жалоб хотят выделить 26 млрд // Известия. 2020. 23 июля. URL: <https://iz.ru/1038637/anna-ustinova/otvet-v-okne-na-edinuiu-sistemu-po-sboru-zhalob-kho-tiat-vydelit-26-mlrd> (дата обращения: 09.03.2022).

³ Леонов Д. В. Указ. соч. С. 65.

⁴ Электронная приемная обращений граждан // Единый портал обращений граждан. URL: <https://letters.gov.spb.ru> (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ Как оспорить автомобильные штрафы // Официальный портал мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/otvet-transport/kak-osporit-avtomobilnye-shtrafy/> (дата обращения: 09.03.2022).

(*avtokod.mos.ru*), через электронную приемную Правительства Москвы, с помощью онлайн-формы для обращения на портале «Московский транспорт» (*transport.mos.ru*), а также лично – путем обращения в один из аккредитованных центров «Московского транспорта», в МАДИ – либо путем направления почтового отправления.

Представляется, что указанный порядок подачи жалобы на постановления административных органов в электронном виде не соответствует положениям КоАП РФ, в частности п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1. Кроме того, Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (с изм. на 20 октября 2021 г.) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» не содержит соответствующих положений¹, а в части обжалования постановлений органов исполнительной власти г. Москвы данный вопрос урегулирован только в пользовательском соглашении².

Проанализировав названные выше информационные сервисы, можно прийти к следующим выводам. Как и ЕПГУ, портал «Автокод» предоставляет возможность проверки статуса поданной в МАДИ или АМПП жалобы путем заполнения электронного «окна», в котором будет отображена информация о ходе рассмотрения жалобы и иных видов обращений. При этом на официальном сайте Госавтоинспекции соответствующая форма контроля не предусмотрена, а информация о жалобе включается в текст обращения. На портале «Московский транспорт» форма для подачи жалобы имеет следующие разделы: «Информация об объекте обращения» и «Описание ситуации / контекста». На данном портале также предусмотрена возможность выбора заявителем (физическим или юридическим лицом) параметров жалобы, в частности тематики обращения, которая включает в себя вопросы, связанные не только с организацией дорожного движения и уличной сетью, но и общественным транспортом, метрополитеном, пригородным железнодорожным сообщением, транспортной безопасностью, легковым транспортом (такси) и др.

Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме имеет определенные преимущества как для административных органов, так и для судебных учреждений. В научной литературе отмечается, что применение информационных технологий в рамках процедуры обжалования, как правило, позволяет снизить временные и финансовые затраты, нагрузку на административные органы³. На наш взгляд, применение указанных средств в рамках процедуры обжалования постановлений позволяет снизить нагрузку и на судебные учреждения, поскольку заявители в порядке, предусмотренном ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, вправе подать жалобу без необходимости личного посещения суда. Об эффективности данной процедуры также следует говорить, исходя из складывающейся практики правового регулирования в сфере контрольно-надзорной деятельности⁴ и не-

¹ Полагаем, что подача жалобы на постановление по делу об административном правонарушении способом, не предусмотренным КоАП РФ, не соответствует общим положениям настоящего Кодекса, поскольку установление порядка производства по делам об административных правонарушениях является прерогативой федерального законодателя (п. 4 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ). В то же время анализ практики использования информационных систем досудебного обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях г. Москвы позволяет прийти к выводу, что подача жалобы на соответствующее постановление должностных лиц подразделений ГИБДД осуществляется в полном соответствии с положениями ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ.

² См., например: Пользовательское соглашение // Портал «Автокод». URL: <https://avtokod.mos.ru/Pages/Agreement.aspx> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Липунцова А. В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 442–454.

⁴ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24 июля 2020 г. № 1108 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц (вместе с Положением о проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц)» на территории России с 17 октября 2020 г. по 30 июня 2021 г. был проведен эксперимент по досудебному обжалованию решений контрольно-надзорного органа. В связи с тем что данный эксперимент был признан состоявшимся, соответствующие изменения были внесены в положения гл. 9 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 6 декабря 2021 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Так, согласно ч. 1 ст. 40 этого Закона лицо, в отношении которого проводятся контрольно-надзорные мероприятия, вправе обратиться с жалобой на решение или действие

которых статистических данных¹, свидетельствующих об уменьшении общего числа поступивших жалоб на каждом «последующем» этапе пересмотра.

Как отмечает С. Д. Хазанов, на административный порядок пересмотра дела оказывают влияние сразу несколько факторов: правовой режим административной власти, организационно-управленческая подчиненность нижестоящего органа вышестоящему и некоторые другие². Кроме того, юрисдикционный акт, принятый в рамках производства по делу об административном правонарушении, нельзя отменить «в одночасье»: существует сложная юридическая процедура его пересмотра, по результатам которой уполномоченный орган, должностное лицо могут его отменить либо отказать в рассмотрении жалобы³. В связи с этим следует согласиться с мнением ученого о том, что процессуально-деликтные отношения, складывающиеся в деятельности административных органов, вынуждены «сосуществовать» с отношениями ведомственного, служебного и делопроизводственного характера.

К существенным недостаткам процедуры обжалования постановлений по делам об административном правонарушении в электронной форме следует отнести отсутствие эффективного механизма взаимодействия лица, обращающегося в орган исполнительной власти либо учреждение в целях защиты своих прав и законных интересов, и ведомства, чьи публичные интересы непосредственно затрагиваются в ходе рассмотрения административной жалобы. При этом постановление по делу об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена, например, ст. 12.9 КоАП РФ, может быть вынесено вследствие некорректного функционирования технических средств фиксации, работающих в автоматическом режиме, а также в случае непреднамеренных, ошибочных действий людей, технических сбоев и др. Некорректная работа технических средств фиксации может приводить к необоснованному привлечению лица к административной ответственности, в том числе за нарушение Правил дорожного движения.

В литературе высказано мнение, что необходим постепенный переход к электронной форме взаимодействия граждан и органов исполнительной власти. По мысли П. А. Курындина, «одномоментный» переход к электронному взаимодействию может привести к тому, что определенная доля граждан не будет иметь прямого доступа к правосудию⁴. Полагаем, что установление исключительно «алгоритмичной» формы взаимодействия субъектов права при использовании электронной формы обжалования постановления по делу об административном правонарушении сужает сферу реализации права граждан на обжалование. В ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ прямо предусмотрено, что возможность подачи административной жалобы в электронной форме в суд обеспечивается при *технической возможности последнего* принять ее. Электронная форма обжалования должна вводиться постепенно, а за лицом, обращающимся с жалобой, нужно сохранить право направить ее непосредственно в суд⁵.

Электронное взаимодействие частных лиц и государственных органов и учреждений может сопровождаться отсутствием либо нестабильностью подключения к ин-

(бездействие) государственных органов через личный кабинет ЕПГУ. Положения указанной главы вступают в законную силу поэтапно. В соответствии со ст. 98 названного Закона с 1 июля 2021 г. вступили в законную силу положения, посвященные обязательному досудебному порядку рассмотрения жалоб для федеральных видов контроля, с 1 января 2022 г. – для региональных и муниципальных видов контроля. С 1 января 2023 г. данные положения вступают в законную силу для всех видов контроля.

¹ По наблюдению С. Д. Хазанова, в рамках всей процедуры обжалования, включая судебный порядок пересмотра дела, до председателя Верховного Суда РФ и его заместителей ежегодно доходят лишь несколько десятков дел из миллионов рассматриваемых (Хазанов С. Д. Указ. соч. С. 77).

² Хазанов С. Д. Указ. соч. С. 77.

³ Верховный Суд РФ в решении от 12 апреля 2018 г. № 67-ААД18-6 указал, что «постановления по каждому из дел об административном правонарушении подлежат обжалованию путем подачи *самостоятельных жалоб* (курсив наш. – Д. Л.) в установленном Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях порядке». Соответственно, проверка законности каждого из вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях должна осуществляться в рамках отдельных производств.

⁴ Курындин П. А. Досудебное обжалование действий (бездействия) или решений административных органов: опыт России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. С. 86.

⁵ В этом вопросе интересным представляется опыт Французской Республики, где электронная форма взаимодействия частных лиц и административных судов вводилась постепенно, поэтапно (Курындин П. А. Указ. соч. С. 52).

формационно-телекоммуникационной сети Интернет. Особое значение эти проблемы приобретают в случае пропуска срока на обжалование административного акта вследствие технических неисправностей и иных причин.

Всевозможные негативные проявления электронной формы обжалования вынуждают обращаться к традиционным способам подачи административной жалобы. Конституционный Суд РФ в определении от 29 мая 2019 г. № 1443-О подчеркнул, что право на государственную, в том числе судебную, защиту может быть реализовано посредством подачи жалобы обычным способом. При этом право на судебную защиту прав и свобод лица, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ, *не предполагает выбор* лицом конкретной процедуры судебной защиты. Как отметил Конституционный Суд РФ, применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел порядок реализации соответствующих процедур определяется Конституцией РФ и федеральным законом соответственно¹. Таким образом, отсутствие предусмотренного законом права лица на обращение с жалобой на постановление по делу об административном правонарушении в электронном виде не может считаться нарушением соответствующего конституционного права граждан.

На основе анализа правоприменительной практики судов общей юрисдикции в период с конца 2021 по начало 2022 г.² можно прийти к выводу о наличии правовых пробелов в административно-деликтном законодательстве.

Порядок направления жалоб и иных видов обращений применительно к административному и уголовному судопроизводству разъяснен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Анализ данного постановления показал, что оно не разъясняет вопросы, относящиеся к процессуальному порядку пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях. Процедура подачи документов в электронном виде, включая порядок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренный ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, комплексно урегулирована приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Отметим, что ранее Верховный Суд РФ не высказывался в пользу электронной процедуры обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях. В частности, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное в упрощенном порядке (без составления протокола по делу), могла быть подана только на бумажном носителе с подписью лица, подавшего жалобу³.

Из буквального толкования ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ следует, что порядок подачи жалобы в электронной форме устанавливается Правительством РФ. В частности, данный порядок регламентирован постановлением Правительства РФ от 19 июля 2021 г. № 947 «Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 508-О, от 19 июня 2007 г. № 389-О-О, от 15 апреля 2008 г. № 314-О-О, от 28 мая 2013 г. № 777-О.

² В частности, были проанализированы следующие судебные решения: постановление Верховного Суда РФ от 3 декабря 2021 г. № 12-272/2020; решение Самарского областного суда от 3 августа 2020 г. № 21-1475/2020; решения Свердловского областного суда от 2 февраля 2022 г. № 72-110/2022, от 2 февраля 2022 г. № 72-156/2022; определение Пермского краевого суда от 10 декабря 2021 г. № 12-1558/2021; определение Брянского областного суда от 7 февраля 2022 г. № 12-41/2022; определение Московского городского суда от 18 января 2022 г. № 7-0733/2022; определение Красноярского краевого суда от 28 декабря 2021 г. № 7п-1542/2021.

³ Решения Верховного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 46-ААД18-10, от 21 июня 2019 г. № 20-ААД19-2.

государственных и муниципальных услуг», которым разъяснена процедура подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в случае его фиксации средствами, работающими в автоматическом режиме. По общему правилу для получения уведомления о поступивших штрафах по постановлениям, вынесенным по делам об административных правонарушениях, онлайн пользователь должен подать соответствующее заявление на ЕПГУ. При этом КоАП РФ четко очерчены основания подачи такой жалобы: *только* на постановления по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с помощью работающих в автоматическом режиме технических средств, которые подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица.

Отметим, что названное выше постановление Правительства РФ не касается порядка рассмотрения поданной в электронной форме жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, зафиксированном средствами, работающими в автоматическом режиме. Порядок обжалования постановлений о наложении административных наказаний посредством ЕПГУ не включает в себя право лица быть заслушанным, в то время как при непосредственном его обращении в соответствующее ведомство это право сохраняется¹. В данном случае заинтересованное лицо не может участвовать в процедуре рассмотрения жалобы уполномоченным органом, должностным лицом, поскольку направило ее способом, не позволяющим ее разрешить в очном режиме.

Резюмируя сказанное, отметим, что правовые основы пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме закреплены в нормативных правовых актах, регулирующих различные аспекты процедуры обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях в случае их фиксации средствами, работающими в автоматическом режиме. Положения и разъяснения, содержащиеся в постановлениях Правительства РФ, Пленума Верховного Суда РФ, приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ, касаются прежде всего соблюдения отдельных процедурных правил, применение которых в практике судов общей юрисдикции вызывает сложности.

Норма, содержащаяся в ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, предусматривает порядок пересмотра постановлений, вынесенных в упрощенной форме (без составления протокола об административном правонарушении), когда административное правонарушение выявлено специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. Вместе с тем имеются другие, не предусмотренные данной статьей составы административных правонарушений, производство по которым осуществляется в упрощенном порядке. В соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ в случае выявления административного правонарушения в области дорожного движения или административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта РФ, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. Представляется, что порядок обжалования постановлений по указанным составам административных правонарушений следует включить в содержание нормы ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ. Соответственно, подлежат уточнению процедурные правила и разъяснения, приведенные в постановлениях Правительства РФ, Пленума Верховного Суда РФ, приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

¹ В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» сказано, что КоАП РФ не предусматривает срока для принесения возражений на жалобу и направления ее со всеми материалами дела в вышестоящий суд по истечении срока, предусмотренного ст. 30.2 КоАП РФ. Представляется, что данное разъяснение применимо к процедуре обжалования постановлений по делу об административном правонарушении в случае его фиксации средствами, работающими в автоматическом режиме. В частности, законодательством не предусматривается срок подачи жалобы на решение, принятое на основании жалобы, поданной в упрощенном порядке.

На наш взгляд, следует внести коррективы в положения гл. 9 проекта Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, закрепив в ст. 9.5 порядок подачи жалобы в электронной форме на не вступившее в законную силу постановление (решение) по делу об административном правонарушении.

Подводя итог, укажем, что пересмотр дела об административном правонарушении является важнейшей стадией производства, обеспечивающей реализацию прав лица, привлеченного к административной ответственности, а также потерпевшего на защиту от неправомерных действий и решений органов, должностных лиц, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность. Процессуальный порядок подачи жалобы, регламентированный гл. 30 КоАП РФ, предусматривает подачу жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях на бумажном носителе, за исключением случаев фиксации административного правонарушения специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме (ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ). Представляется, что следует расширить перечень дел об административных правонарушениях, вынесенные постановления по которым могут быть обжалованы в электронной форме, что будет способствовать повышению эффективности правового регулирования стадии пересмотра в условиях цифровизации.

Список литературы

Давыдов К. В. Административная процедура: стадии возбуждения и рассмотрения административного дела // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 13–18.

Давыдов К. В. Административная процедура: стадии пересмотра административного дела и исполнения административного акта // Административное право и процесс. 2017. № 11. С. 13–17.

Курындин П. А. Досудебное обжалование действий (бездействия) или решений административных органов: опыт России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 405 с.

Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 166 с.

Липунцова А. В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т 4. № 16. С. 442–454.

Суховская М. Г. Какие ПДД-штрафы можно обжаловать через госуслуги и сайты судов // Главная книга. 2021. № 18. С. 91–92.

Устинова А. Ответ в окне: на единую систему по сбору жалоб хотят выделить 26 млрд // Известия. 2020. 23 июля. URL: <https://iz.ru/1038637/anna-ustinova/otvet-v-okne-na-edinuiu-sistemu-po-sboru-zhalob-khotiat-vydelit-26-mlrd> (дата обращения: 09.03.2022).

Хазанов С. Д. Общая характеристика стадии пересмотра в производстве по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 69–80.

Шевцов А. В. Место дисциплинарного производства и производства по жалобам в структуре административного процесса // Академическая мысль. 2020. № 2. С. 75–81.

References

Davydov K. V. (2017) *Administrativnaya protsedura: stadii peresmotra administrativnogo dela i ispolneniya administrativnogo akta* [Administrative procedure: stages of administrative case revision and administrative action implementation]. In *Administrativnoe pravo i protsess*, no. 11, pp. 13–17.

Davydov K. V. (2017) *Administrativnaya protsedura: stadii vzbuzhdeniya i rassmotreniya administrativnogo dela* [Administrative procedure: administrative case initiation and review stages]. In *Administrativnoe pravo i protsess*, no. 8, pp. 13–18.

Khazanov S. D. (2004) *Obshchaya kharakteristika stadii peresmotra v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [General characteristics of the stage of revision in proceedings on administrative offenses]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 10, pp. 69–80.

Kuryndin P. A. (2020) *Dosudebnoe obzhalovanie deistvii (bezdeistviya) ili reshenii administrativnykh organov: opyt Rossii i Frantsii: dis. ... kand. yurid. nauk.* [Pre-trial appeal against actions (inaction) or decisions of administrative bodies: the experience of Russia and France: a candidate of legal sciences thesis]. St. Petersburg, 405 p.

Leonov D. V. (2020) *Administrativno-pravovoi institut dosudebnogo obzhalovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative and legal institution of pre-trial appeal: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 166 p.

¹ URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202006/17/ПКoAP_RF_cOq.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

Lipuntsova A. V. (2020) Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pravovogo eksperimenta (na primere eksperimenta novogo poryadka dosudebnogo obzhalovaniya reshenii kontrol'nogo (nadzornogo) organa) [Theoretical and practical aspects of a legal experiment (on the example of a new procedure experiment for pre-trial appeal against decisions of a control (supervisory) body)]. In *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, vol. 4, no. 16, pp. 442–454.

Shevtsov A. V. (2020) Mesto distsiplinarnogo proizvodstva i proizvodstva po zhalobam v strukture administrativnogo protsessa [Place of disciplinary proceedings and complaints proceedings in the structure of the administrative process]. In *Akademicheskaya mysl'*, no. 2, pp. 75–81.

Sukhovskaya M. G. (2021) Kakie PDD-shtrafy možno obzhalovat' cherez gosuslugi i saity sudov [What traffic regulations-fines can be appealed through public services and court websites]. In *Glavnaya kniga*, no. 18, pp. 91–92.

Ustinova A. (2020) Otvet v okne: na edinuyu sistemuyu po sboru zhalob khotyat vydedit' 26 mlrd [The answer is in the window: they want to allocate 26 billion for a single system for collecting complaints]. In *Izvestiya*, 23 July, available at: <https://iz.ru/1038637/anna-ustinova/otvet-v-okne-na-edinuiu-sistemu-po-sboru-zhalob-khotiat-videlit-26-mlrd> (accessed: 09.03.2022).

СОГЛАШЕНИЕ О ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

Зыкова Ольга Андреевна

Лаборант-исследователь кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск),
ORCID: 0000-0002-8980-2119, e-mail: bubenova90@mail.ru.

В контексте рассмотрения института государственного содействия инвестиционной деятельности в договорной форме выделяется соглашение о защите и поощрении капиталовложений. Делается вывод о наличии недостатков в действующем правовом регулировании таких соглашений. Речь идет об установлении ряда труднодостижимых и ущемляющих права инвесторов условий заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений между частным и публичным лицом. В связи с этим ставится вопрос о целесообразности внесения изменений в Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации».

Ключевые слова: соглашение о защите и поощрении инвестиций, капиталовложения, инвестиционная деятельность, государственная поддержка, стабилизационная оговорка, инвестиционное право, цифровое право, цифровизация экономики

Для цитирования: Зыкова О. А. Соглашение о защите и поощрении капиталовложений в России: проблемы правового регулирования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 35–42. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_35.

AN AGREEMENT ON THE PROTECTION AND PROMOTION OF CAPITAL INVESTMENTS IN RUSSIA: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Zykova Olga

Laboratory assistant-researcher, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk),
ORCID: 0000-0002-8980-2119, e-mail: bubenova90@mail.ru.

The author considers the institute of state investment assistance in a contractual form and, in this context, singles out an agreement on the protection and promotion of investments. It is concluded that there are shortcomings in the current legal regulation of such agreements. These include a number of hard-to-reach conditions of concluding an agreement on the protection and promotion of investments between a private and a public person, which infringe on investor's rights. In this regard, the author wonders whether it is desirable to amend the Federal Law of April 1, 2020 No. 69-FZ «On the Protection and Promotion of Investments in the Russian Federation».

Key words: agreement on the protection and promotion of investments, capital investments, investment activities, state support, stabilization clause, investment law, digital law, digitalization of the economy

*For citation: Zykova O. (2022) An agreement on the protection and promotion of capital investments in Russia: problems of legal regulation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 3, pp. 35–42, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_35.*

* Статья написана за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01031. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01031>.

Вопрос развития, совершенствования инвестиционной политики всегда относился к числу важнейших. По словам ведущих аналитиков международного уровня С. Титье и Ф. Баэтенс, для формирования благоприятного инвестиционного климата страны необходимо обеспечить баланс между поощрением¹, продвижением, поддержкой и ограничением, сдерживанием иностранных инвестиций².

Развитие отечественной экономики напрямую зависит не только от привлечения средств из-за рубежа, но и от волеизъявления российских лиц, их желания осуществлять инвестирование в национальные проекты, не уводя тем самым финансы из страны. Именно поэтому правовой механизм, направленный на формирование благоприятного инвестиционного климата государства, должен содержать положения, обеспечивающие поддержку и предоставляющие гарантии не только иностранным лицам, но и резидентам.

Сегодня в России существуют различные меры государственной поддержки инвестиционной деятельности в договорной форме: соглашение о государственно-частном партнерстве³, специальный инвестиционный контракт, договор о комплексном развитии территории⁴, программы территориального развития⁵ и др. Безусловно, все перечисленные меры оказывают благоприятное влияние на реализацию социальной политики. Однако нельзя не указать, что они имеют свои несовершенства, которые не позволяют в полном объеме достигать ожидаемых результатов от партнерства.

Так, в источниках права, регламентирующих механизм государственно-частного партнерства, разумным будет расширение списка частных лиц, имеющих право на заключение соглашения, а также увеличение перечня объектов, в отношении которых допустимо подобное сотрудничество.

Что касается специального инвестиционного контракта, то в отечественном законодательстве отсутствует правило о публичности процесса изучения, анализа и согласования заявок на заключение соглашения между частной стороной – инвестором и публичным лицом. Полагаем, что закрытый характер рассмотрения заявок позволяет межведомственной комиссии по специальному инвестиционному контракту избежать общественного, парламентского контроля. Так, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2021 г. № 06АП-7100/2020 по делу № А73-11644/2020 демонстрирует нарушения со стороны управления Федеральной антимонопольной службы субъекта РФ, которые повлекли за собой ограничение возможностей юридического лица участвовать в аукционе на заключение специального инвестиционного контракта.

Если говорить о правовой регламентации нового для России механизма комплексного развития территории, то непродолжительное время его функционирования пока не позволяет в полной мере оценить законодательные пробелы, ухудшающие положение инвесторов. В доктрине уже выделяют ряд положений, создающих угрозу ошибок в правоприменении, однако подобные замечания затрагивают лишь отдельные элементы отношений между лицами, заключившими договор о комплексном развитии территории⁶. Общий анализ гл. 10 Градостроительного кодекса РФ позволяет говорить о наличии законодательного барьера, препятствующего подаче физиче-

¹ Tietje C., Baetens F. The impact of investor-state-dispute settlement (ISDS) in the Transatlantic trade and investment partnership: study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands. 2014. P. 20–23. URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvgv5kkg27kof_j9vwik7m1c3gyxp/vjn8exgvufya/f=/blg378683.pdf 2014 (дата обращения: 20.09.2022).

² Owens J. The role of tax administrations in the current political climate // *Bulletin for International Taxation*. 2013. Vol. 67. № 3. P. 156.

³ Маслова С. В., Соколов М. Ю. Трансграничные проекты государственно-частного партнерства: концептуальные особенности и практические аспекты управления // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 1. С. 87–88.

⁴ Lisitsa V., Moroz S. Legal regulation of public-private partnership in Russia and other countries of the Eurasian Economic Union // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. VII. № 3. P. 66–71. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-53-81.

⁵ Кныш Н. А., Верлуп Е. В. Программно-целевой подход к территориальному развитию малого предпринимательства // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 427–429. DOI: 10.17059/2016-2-9.

⁶ Максимкина Ю. А. К вопросу об экологических обязанностях застройщика по договору о комплексном развитии территории // *Имущественные отношения в России*. 2020. № 8. С. 109. DOI: 10.24411/2072-4098-2020-10802.

скими лицами и иностранными лицами заявки на участие в торгах, проводимых на конкурсной основе. Подобное ограничение существенно сокращает число инвесторов, готовых к сотрудничеству с государством, сопряженному с капиталовложением в российскую экономику.

Помимо мер государственной поддержки инвестиционной деятельности, речь о которых шла выше, особую значимость имеет такой вид содействия, как соглашение о защите и поощрении капиталовложений. Так, 1 апреля 2020 г. был опубликован Федеральный закон № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее – Закон № 69-ФЗ), который закрепил новое средство поощрения инвестиционных вложений в России¹. Однако нельзя не отметить, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19² данный нормативный акт остался без должного внимания со стороны организаций, реализующих инвестиционные проекты.

Соглашение о защите и поощрении капиталовложений представляет собой договорную форму сотрудничества между организацией, реализующей инвестиционный проект, и одним или несколькими публично-правовыми образованиями, согласно которому последние гарантируют первой неприменение актов, ухудшающих реализацию инвестиционного проекта³. В доктрине подобные соглашения именуется «стабилизационной оговоркой»⁴. Нельзя не отметить, что рассматриваемое соглашение закрепляет взаимовыгодные условия для государства и бизнеса. Организация, реализующая инвестиционный проект, осуществляет данный вид предпринимательства ради собственной экономической выгоды и для достижения своей цели выполняет условия, предусмотренные в соглашении, а публично-правовое образование обеспечивает ей преференции стимулирующего характера, но с целью привлечения инвестиций в российскую экономику. Немаловажным моментом выступает отсутствие равноправия сторон в силу статуса государства как представителя публичной власти.

Соглашение о защите и поощрении капиталовложений имеет отдельные характеристики классического гражданско-правового договора. В частности, оно является:

а) консенсуальным, поскольку считается заключенным с момента согласования сторонами всех его существенных условий⁵;

б) двусторонне обязывающим. В Законе № 69-ФЗ имеется указание лишь на обязанность публично-правового образования в части неприменения актов (решений), ухудшающих положение организации, реализующей инвестиционный проект, а в отношении юридического лица отсутствуют обязательственные предписания. Несмотря на это, весьма сложно говорить об односторонне обязывающем характере соглашения. Так, стоит отметить взаимную заинтересованность сторон в заключении и исполнении соглашения, формирующую экономическую зависимость между ними, которая является отличительной характеристикой двусторонне обязывающих правоотношений⁶;

в) возмездным. Юридическое лицо получает встречное предоставление от публично-правового образования в виде гарантий защиты от применения нормативных актов, усложняющих коммерческую деятельность, в обмен на выполнение комплекса действий для реализации инвестиционного проекта⁷.

¹ Подробнее см.: Булгакова Н. С. Об особенностях заключения соглашений о защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 14. С. 16–17.

² Лунгу Е. В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // Правоприменение. 2020. № 4. С. 69–71. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75.

³ Белицкая А. В., Батайкин П. А. Правовая природа соглашения о защите и поощрении капиталовложений // Право и экономика. 2020. № 6. С. 20–21.

⁴ Halabi S. Efficient Contracting between Foreign Investors and Host States: Evidence from Stabilization Clauses // Northwestern Journal of International Law and Business. 2011. Vol. 31. P. 265.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 454–456.

⁶ Серкова Ю. А. Юридические конструкции взаимного и односторонне обязывающего договоров // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 173–175.

⁷ Подузова Е. Б. Встречное предоставление в современном гражданском праве: проблемы теории и практики // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 136–137.

На первый взгляд создается впечатление о наличии государственной поддержки для сектора бизнеса, осуществляющего инвестиционную деятельность, что позволяет увеличивать вложения в российскую экономику и сокращать отток капитала из страны¹. Однако при детальном рассмотрении всех положений Закона № 69-ФЗ возможно выделить ряд обстоятельств, при которых лицо, желающее воспользоваться национальными преференциями, не в состоянии это сделать.

Во-первых, указанный Закон ограничивает круг субъектов, которые могут выступать в роли организации, реализующей инвестиционный проект. В частности, согласно ст. 1 лишь российское юридическое лицо может быть такой организацией. При этом иностранные субъекты не упоминаются. Полагаем, что целесообразно закрепить право филиалов иностранных лиц, успешно прошедших аккредитацию, напрямую заключать соглашения о защите и поощрении капиталовложений². Можно предположить, что подобное изменение, касающееся национальной принадлежности компании, реализующей инвестиционный проект, позволит увеличить объем вложений в российскую экономику со стороны иностранных субъектов.

Справедливости ради укажем, что существует правовая защита иностранных инвесторов, предусмотренная ст. 9 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон № 160-ФЗ), которая аналогично положениям Закона № 69-ФЗ предоставляет зарубежным инвесторам гарантию от применения норм, ухудшающих их положение. Однако подобная мера поддержки также допустима при условии участия иностранного субъекта в уставном (складочном) капитале российской организации³. Помимо этого, нельзя не обратить внимание на ст. 4 Закона № 160-ФЗ, согласно которой деятельность иностранного инвестора подлежит регулированию теми же правовыми нормами, что и деятельность российского лица, и таким образом она не должна реализовываться на менее благоприятных условиях⁴.

Во-вторых, в Законе № 69-ФЗ закреплён список тех видов инвестиционной деятельности, в отношении которых недопустимо применение стабилизационной оговорки. К числу таких видов предпринимательства относятся оптовая, розничная торговля, строительство (модернизация, реконструкция) административно-деловых центров и торговых центров (комплексов), а также жилых домов⁵. Однако данные виды деятельности также могут пострадать от неблагоприятных последствий внутренней и внешней политики государства. Так, отрасль строительного рынка существенно теряет свою устойчивую позицию на фоне падения спроса конечного потребителя, роста стоимости основных материалов⁶, закрытия границ⁷. Полагаем, что в подобных условиях требуется введение мер государственной поддержки тех отраслей предпринимательства, которые находятся в значительной зависимости от взаимоотношений между государствами и народами на международной арене. Именно поэтому считаем необходимым пересмотреть перечень видов деятельности, в отношении которых инвестиционный проект не может реализовываться в рамках соглашения о защите и поощрении капиталовложений.

В-третьих, закон устанавливает завышенные «стоимостные пороги» инвестиционных вложений, которые нужно преодолеть организации для заключения соглашения

¹ Поветкина Н. А. Правовые средства обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 31–32.

² Миронов К. Ю. Недостатки правового положения иностранного инвестора по российскому законодательству // Интернаука. 2020. № 16-3. С. 19–21.

³ Овчинников А. А. Защита прав иностранных инвесторов в Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 7. С. 147–149.

⁴ Колокольчикова О. С. Проблемы предоставления льгот иностранным инвесторам // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 48–49.

⁵ Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (дата обращения: 31.05.2022).

⁶ Жесткова С. Р. Предпринимательские риски деятельности строительной организации муниципалитета в условиях конкурентной среды // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3-3. С. 67–68.

⁷ Балдина Е. И., Мешенцева Г. А., Банько Н. А., Золкин А. Л. Перспективы строительного рынка в России // Управленческий учет. 2020. № 5. С. 27–31. DOI: 10.25806/UU5202024-31.

с публичной стороной. Так, чтобы Российская Федерация гарантировала неизменность актов, предусматривающих увеличение ставок вывозных таможенных пошлин, для организации, реализующей проект, у последней должен быть объем капиталовложения не менее 10 млрд руб.

Вместе с тем, исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, можно заметить, что размер инвестиций в основной капитал отдельных видов экономической деятельности гораздо меньше, чем величина, указанная в Законе № 69-ФЗ. Получается, что стабилизационной оговоркой не могут воспользоваться лица, осуществляющие следующие виды экономической деятельности: деятельность профессиональная, научная, техническая (средний объем инвестиций по России – 0,7 млрд руб.), производство одежды (средний объем инвестиций по России – 4,5 млрд руб.), деятельность почтовой связи и курьерская деятельность (средний объем инвестиций по России – 6,8 млрд руб.) и пр.¹ Не стоит также забывать, что активное внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни с целью повышения и усовершенствования ее качества, а также с целью развития экономики сформировало новую сферу предпринимательства – цифровую. Полагая, что эта сфера, как никакая другая, нуждается в государственной поддержке.

Думается, что сумма в 10 млрд руб., выступающая критерием для заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений с одним или несколькими публично-правовыми образованиями, слишком крупная и именно поэтому зачастую недостижима для российских предпринимателей. Тем самым разумно снизить размер капиталовложения в рамках проекта, что, в свою очередь, расширит круг лиц, желающих реализовать российский инвестиционный проект путем внесения капитала в страну.

Надо заметить, что с момента вступления в силу Закона № 69-ФЗ в течение полугодия не принимались какие-либо подзаконные нормативные акты, регламентирующие механизм заключения и реализации соглашения о защите и поощрении капиталовложений. Лишь начиная с 3 октября 2020 г., когда было принято постановление Правительства РФ № 1599 «О порядке предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений, государственных (муниципальных) предприятий) на возмещение затрат на создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, а также затрат на уплату процентов по кредитам и займам, купонных платежей по облигационным займам, привлеченным на указанные цели, и определения объема возмещения указанных затрат», реализация государственной помощи и поддержки инвестиционных проектов начала набирать обороты.

В июле 2021 г. в Закон № 69-ФЗ были внесены значимые изменения². В частности, в связи с активным развитием цифровизации к предмету регулирования данного нормативного акта был отнесен процесс информационного обеспечения инвестиционной деятельности и предоставления мер государственной (муниципальной) поддержки.

Кроме того, был расширен перечень целей, стоящих перед организацией, реализующей инвестиционный проект, которые могут поддерживаться государством. Таковыми, помимо прочего, стали научные исследования, опытно-конструкторские разработки (где результатом выступает создание новой технологии), уплата процентов по кредитам и займам, привлеченным для реализации инвестиционного проекта, а также демонтаж объектов на территории военных городков (в части жилищного строительства).

¹ Инвестиции в России. 2019: статистический сборник / редкол.: М. Н. Сидоров и др. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике : Федер. служба гос. статистики, 2019. С. 43–46.

² Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 344-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации“ и статью 15 Федерального закона „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“».

В Законе № 69-ФЗ также была закреплена возможность организации, реализующей инвестиционный проект, получить налоговый вычет в соответствии с российским налоговым законодательством. Помимо этого, порядок получения помощи от государства стал существенно проще, поскольку затратная часть (или же ее доля) инвестора, направленная на реализацию инвестиционного проекта, впредь вычитается из общей суммы налогов организации.

Таким образом, замену субсидий налоговым вычетом вполне можно отнести к новой форме консенсуса между интересами лиц, реализующих инвестиционный проект, и государством.

Итак, Закон № 69-ФЗ имеет исключительно положительное влияние в части привлечения капитала в страну, а также в части сокращения оттока отечественных инвестиционных вложений за рубеж¹. Данная ситуация обусловлена тем, что этот акт предусматривает новую меру государственной поддержки бизнеса – возможность заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений между лицом, реализующим инвестиционный проект, и одним или несколькими публично-правовыми образованиями.

Однако полагаем, что сегодня те ограничения, которые закреплены в рассматриваемом Законе, сдерживают полноценную реализацию преференций для инвесторов. Так, думается, что законодатель не совсем справедливо проводит разграничение между лицами, осуществляющими инвестиционный проект, ставя их возможность воспользоваться государственным содействием в зависимости от национальной принадлежности, вида предпринимательской деятельности, а также размера капиталовложений. Полагаем, что следует пересмотреть указанные положения.

Список литературы

Балдина Е. И., Мешенцева Г. А., Банько Н. А., Золкин А. Л. Перспективы строительного рынка в России // *Управленческий учет.* 2020. № 5. С. 24–31. DOI: 10.25806/UU5202024-31.

Белицкая А. В., Батайкин П. А. Правовая природа соглашения о защите и поощрении капиталовложений // *Право и экономика.* 2020. № 6. С. 20–24.

Булгакова Н. С. Об особенностях заключения соглашений о защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации // *Державинский форум.* 2020. Т. 4. № 14. С. 16–21.

Жесткова С. Р. Предпринимательские риски деятельности строительной организации муниципалитета в условиях конкурентной среды // *Terra Economicus.* 2009. Т. 7. № 3-3. С. 67–70.

Кныш Н. А., Верлуп Е. В. Программно-целевой подход к территориальному развитию малого предпринимательства // *Экономика региона.* 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 427–437. DOI: 10.17059/2016-2-9.

Колокольчикова О. С. Проблемы предоставления льгот иностранным инвесторам // *Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца,* 2012. С. 48–50.

Леднева Ю. В. «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // *Финансовое право.* 2020. № 6. С. 18–22. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-6-18-22.

Лунгу Е. В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // *Правоприменение.* 2020. № 4. С. 69–75. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75.

Максимкина Ю. А. К вопросу об экологических обязанностях застройщика по договору о комплексном развитии территории // *Имущественные отношения в России.* 2020. № 8. С. 102–110. DOI: 10.24411/2072-4098-2020-10802.

Маслова С. В., Соколов М. Ю. Трансграничные проекты государственно-частного партнерства: концептуальные особенности и практические аспекты управления // *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2020. № 1. С. 86–113.

Мионов К. Ю. Недостатки правового положения иностранного инвестора по российскому законодательству // *Интернаука.* 2020. № 16-3. С. 17–21.

Овчинников А. А. Защита прав иностранных инвесторов в Российской Федерации // *Образование и право.* 2019. № 7. С. 147–150.

Поветкина Н. А. Правовые средства обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации // *Журнал российского права.* 2014. № 6. С. 31–36.

Подузова Е. Б. Встречное предоставление в современном гражданском праве: проблемы теории и практики // *Российский юридический журнал.* 2016. № 1. С. 136–141.

Серкова Ю. А. Юридические конструкции взаимного и односторонне обязывающего договоров // *Вестник экономики, права и социологии.* 2013. № 2. С. 172–175.

¹ *Леднева Ю. В.* «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // *Финансовое право.* 2020. № 6. С. 18–19. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-6-18-22.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 851 с.

Halabi S. Efficient Contracting Between Foreign Investors and Host States: Evidence from Stabilization Clauses // *Northwestern Journal of International Law and Business*. 2011. Vol. 31. P. 261–312.

Lisitsa V., Moroz S. Legal regulation of public-private partnership in Russia and other countries of the Eurasian Economic Union // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. VII. № 3. P. 53–81. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-53-81.

Owens J. The role of tax administrations in the current political climate // *Bulletin for International Taxation*. 2013. Vol. 67. P. 156–160.

Tietje C., Baetens F. The impact of investor-state-dispute settlement (ISDS) in the Transatlantic trade and investment partnership: study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands. 2014. 153 p. URL: https://www.eu-monitor.eu/9353000/1/j4nvg55kkg27kof_j9vvik7m1c3gyxp/vjn8exgvufya/f=/blg378683.pdf 2014 (дата обращения: 20.09.2022).

References

Baldina E. I., Meshentseva G. A., Ban'ko N. A., Zolkin A. L. (2020) Perspektivy stroitel'nogo rynka v Rossii [Prospects of the construction market in Russia]. In *Upravlencheskii uchet*, no. 5, pp. 24–31, DOI: 10.25806/UU5202024-31.

Belitskaya A. V., Bataikin P. A. (2020) Pravovaya priroda soglasheniya o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenii [Legal nature of the investment protection and promotion agreement]. In *Pravo i ekonomika*, no. 6, pp. 20–24.

Bulgakova N. S. (2020) Ob osobennostyakh zaklyucheniya soglasheniya o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenii v Rossiiskoi Federatsii [On the features of concluding agreements on the protection and promotion of investment in the Russian Federation]. In *Derzhavinskii forum*, vol. 4, no. 14, pp. 16–21.

Halabi S. (2011) Efficient Contracting between Foreign Investors and Host States: Evidence from Stabilization Clauses. In *Northwestern Journal of International Law and Business*, vol. 31, pp. 261–312.

Knysh N. A., Verlup E. V. (2016) Programmno-tselevoi podkhod k territorial'nomu razvitiyu malogo predprinimatel'stva [Program management approach to the territorial development of small business]. In *Ekonomika regiona*, vol. 12, iss. 2, pp. 427–437, DOI: 10.17059/2016-2-9.

Kolokol'chikova O. S. (2012) Problemy predostavleniya l'got inostrannym investoram [Problems of granting benefits to foreign investors]. In *Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk: conference papers*. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa, pp. 48–50.

Ledneva Yu. V. (2020) «Stabilizatsionnaya ogovorka» v nalogovom prave [Stabilization clause in tax law]. In *Finansovoe pravo*, no. 6, pp. 18–22, DOI: 10.18572/1813-1220-2020-6-18-22.

Lisitsa V. N., Parkhomenko S. V. (2018) Nekotorye aspekty povysheniya effektivnosti ugovornogo zakona v sfere ekonomiki: razrabotka kategorial'nogo apparata [Some aspects of improving the efficiency of criminal law in the sphere of economy: developing the categories]. In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, vol. 12, no. 2, pp. 190–198, DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).190-198.

Lungu E. V. (2020) Pandemiya COVID-19. Novyi vyzov konstitutsionnym pravotnosheniyam [Covid-19 pandemic. New challenge for constitutional relations]. In *Pravoprimenenie*, no. 4, pp. 69–75, DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75.

Maksimkina Yu. A. (2020) K voprosu ob ekologicheskikh obyazannostyakh zastroishchika po dogovoru o kompleksnom razvitiu territorii [About environmental developer responsibilities in the implementation of projects of integrated development of the territory]. In *Imushchestvennyye ot-nosheniya v Rossii*, no. 8, pp. 102–110, DOI: 10.24411/2072-4098-2020-10802.

Maslova S. V., Sokolov M. Yu. (2020) Transgranichnye proekty gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: kontseptual'nye osobennosti i prakticheskie aspekty upravleniya [Public-private partnership's transboundary projects: conceptual features and practical aspects of management]. In *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, no. 1, pp. 86–113.

Mironov K. Yu. (2020) Nedostatki pravovogo polozheniya inostrannogo investora po rossiiskomu zakonodatel'stvu [Disadvantages of the legal status of a foreign investor in the Russian legislation]. In *Internauka*, no. 16-3, pp. 17–21.

Ovchinnikov A. A. (2019) Zashchita prav inostrannykh investorov v Rossiiskoi Federatsii [Protection of the rights of foreign investors in the Russian Federation]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 7, pp. 147–150.

Owens J. (2013) The role of tax administrations in the current political climate. In *Bulletin for International Taxation*, vol. 67, pp. 156–160.

Poduzova E. B. (2016) Vstrechnoe predostavlenie v sovremennom grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki [Consideration in contemporary civil law: theoretical and practical matters]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 136–141, DOI: 10.21639/2313-6715.2016.3.3.

Povetkina N. A. (2014) Pravovye sredstva obespecheniya finansovoi ustoichivosti Rossiiskoi Federatsii [Legal means of provision of financial sustainability of the Russian Federation]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 31–36.

Serkova Yu. A. (2013) Yuridicheskie konstruksii vzaimnogo i odnostoronne obyazyvayushchego dogovorov [Legal constructions of mutual and unilaterally binding contracts]. In *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 2, pp. 172–175.

Shershenevich G. F. (1911) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law], 9th ed. Moscow, Izdanie Brat'ev Bashmakovykh, 851 p.

Tietje C., Baetens F. (2014) *The impact of investor-state-dispute settlement (ISDS) in the Transatlantic trade and investment partnership: study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands*, 153 p., available at: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvgs5kjg27kof_j9vvik7m1c3gyxp/vjn8exgvufya/f=/blg378683.pdf (accessed: 20.09.2022).

Zhestkova S. R. (2009) Predprinimatel'skie riski deyatel'nosti stroitel'noi organizatsii munitsipalite-ta v usloviyakh konkurentnoi sredy [Entrepreneurial risks of the activity of a municipal construction organization in a competitive environment]. In *Terra Economicus*, vol. 7, no. 3-3, pp. 67–70.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ДЛЯ АСПИРАНТОВ-ЮРИСТОВ

Малинова Изабелла Павловна

Профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
доктор философских наук, ORCID: 0000-0003-2849-3858,
e-mail: mag@usla.ru.

Основная задача спецкурса для аспирантов юридического профиля по философии права – формирование у начинающих ученых-юристов способности свободно ориентироваться в правовой картине мира, ее научном осмыслении и перспективах развития. В методологически ориентированном тексте спецкурса доминирует не воспроизведение исторического генезиса философии права, а выступающая в качестве модели текстообразования нелинейная логика ассоциативного конструирования целостного контента философии права – как интеллектуальной основы правовой картины мира, ее осмысления и коллегиально продуцируемой в юридических практиках системы дедуктивных начал профессионального юридического мышления.

Ключевые слова: философия права, методология, эпистемология права, пост-структурализм, свобода и произвол, истинность как свойство текста

Для цитирования: Малинова И. П. Философия права для аспирантов-юристов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 43–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_43.

PHILOSOPHY OF LAW FOR POSTGRADUATE LAW STUDENTS

Malinova Isabella

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
doctor of philosophical sciences, ORCID: 0000-0003-2849-3858,
e-mail: mag@usla.ru.

The main objective of the special course on the philosophy of law for postgraduate law students is to form the ability of novice legal scholars to freely navigate the scientific and legal picture of the world, its scientific understanding and development prospects. The methodologically oriented text of the special course is dominated not by the reproduction of the historical genesis of the philosophy of law, but by the non-linear logic of associative construction of the integral content of the philosophy of law, acting as a model of text formation. The latter is an intellectual basis of the legal picture of the world, its comprehension and the system of deductive principles of professional legal thinking collectively produced in legal practices.

Key words: philosophy of law, methodology, epistemology of law, post-structuralism, freedom and arbitrariness, truth as a property of the text

*For citation: Malinova I. (2022) Philosophy of law for postgraduate law students. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 3, pp. 43–56, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_43.*

Введение

Слово «аспирант» означает в переводе с латинского «стремящийся». Очевидно, что аспирант стремится к научному творчеству и достижению научной степени, для получения которой необходимо сначала сдать кандидатский минимум по ряду дисци-

плин, в том числе по обязательной для всех специальности «История и философия науки», в рамках которой для более углубленного изучения может быть избрана любая научная отрасль – в зависимости от образовательных целей.

Как показывает опыт, нет ни кандидатских, ни докторских диссертаций по правовой проблематике, методологические и концептуальные основания которых не были бы почерпнуты в контенте философии права. Подготовка аспирантов юридического профиля к научной деятельности требует изучения философии права – самостоятельной науки, продуцирующей большие посылки силлогизмов юридического мышления и концептуальные основания общественного и индивидуального правосознания. Их изучение необходимо для формирования юридического мировоззрения и освоения широкого спектра методов решения конкретных вопросов в сфере юридической практики, а также методологических подходов к исследованию правовых проблем высокого уровня общности (законотворчество, правоприменение, нормативный статус интерпретационных актов и др.).

Предлагаемый текст расширяет спектр выбора философских и философско-правовых концептов для использования их в качестве методологических моделей в конструировании авторской научной концепции или в решении проблем, возникающих в юридической практике. Один из главных признаков научности текста – это его методологичность, т. е. наличие универсальных мыслительных схем, которые или почерпнуты из других научных теорий, отраслей, или созданы в ходе данного исследования и могут быть использованы другими исследователями либо в русле развития данной теории, либо в других научных областях.

Опыт работы с аспирантами юридического профиля показал, что для этого контингента очень важно адекватное задачам научной работы понимание смысла понятий «метод», «методология», «философские методологические модели» и «философско-правовые методологические модели».

Метод – это универсальная (в пределах обоснованных аналогий) модель организации деятельности, инвариантная¹ к ее содержанию. *Научный метод* – это универсальная мыслительная конструкция, способная выступать средством развития теорий достаточно широкого проблемного спектра.

Дискурс – это сложившаяся на основе определенной парадигмы система правил вербального выражения содержания сознания (профессионального, научного и др.). Синонимы для слова «дискурс» – «понятийный аппарат», «язык», «лексикон» (определенной научной отрасли или правовой системы). В научном творчестве ученый может в исследовательских целях сочетать разные дискурсы. Так, философско-экономическую концепцию К. Маркса принято сводить к материализму, чуждому человеческим личностным интересам. Однако из его текстов следует, что этот мыслитель сочетал дискурс созданной им макроэкономики с антроповедческими дискурсами, о чем свидетельствуют его научные афоризмы: «Материальное производство – это раскрытая книга человеческой психологии», «Реклама – евнух промышленности».

Парадигма – это константная (закрепленная в определенной области человеческой деятельности) система смыслов, правила смыслообразования которой задают границы ее изменений. Например, в Советском союзе не было частной собственности, в правовой системе Советского союза не было понятия «частная собственность», не было этого института и в советском законодательстве. В системе научного знания выделяются классическая и неклассическая парадигмы типов научной рациональности, поэтому в научных исследованиях, посвященных правовой проблематике, весьма плодотворны компаративистские подходы, основанные на сопоставлении методологических моделей классической и неклассической философии права.

Методология – это совокупность методов, системообразующим основанием которой является единство дискурса как инструментария реализации данных методов.

Философская методологическая модель – это философская концепция, обладающая свойствами универсальной мыслительной конструкции, которую можно избрать в качестве методологической модели решения тех или иных практических или теоретических проблем. Например, согласно теории эйдосов Платона ни один

¹ Инвариантный – неизменный при любых трансформациях.

предмет, отягощенный материей, не может быть идеальным, т. е. полностью совпадающим с эйдосом, определяющим его сущность. Эта философская концепция была обоснована Платоном в IV в. до н. э., но не устаревает. Ее методологический спектр многогранен. Особое значение она имеет для обоснования критического отношения к политическому авантюризму, нередко выражающемуся в цивилизационном утопизме – проектах создания идеального общественного строя – или, например, в пропаганде безусловного совершенства определенных наций, государств и культур, что якобы является свидетельством их превосходства над всеми остальными и дает право на дискриминацию последних.

Философско-правовая методологическая модель – это философско-правовая концепция, которую можно использовать в качестве универсальной мыслительной конструкции, т. е. методологической модели решения тех или иных практических или теоретических проблем. Например, категорический императив И. Канта и кантовское определение права являют собой взаимосвязанные, методологически потенцированные мыслительные конструкции, содержащие широкий спектр методов решения практических или теоретических проблем в сфере юриспруденции.

Эффективность использования философских и философско-правовых методологических моделей в научных исследованиях обусловлена тем, что в результате ассоциативного поиска аналогичных поисковой задаче концепций формируется спектр контекстов конструирования авторской научной концепции. Именно поэтому в учебной программе юридической аспирантуры должен преподаваться спецкурс по философии права, содержащий ссылки на особенности классической и неклассической философии права и их сопоставление.

Философия права имеет фундаментальное методологическое значение для юриспруденции (как в области теории, так и в области юридических практик). Усредненного философского дискурса не существует, так как бытие философского знания разворачивается в виде определенных философских учений, направлений, школ. У каждой из них есть свой понятийный аппарат и специфичные мыслительные конструкции. Можно выделить следующие философские методологии (с присущими им дискурсами):

- 1) концепции античных философов (Сократ, Платон, Аристотель и др.);
- 2) диалектико-материалистическая методология (Карл Маркс, Фридрих Энгельс);
- 3) позитивизм (Огюст Конт);
- 4) неопозитивизм (Людвиг Витгенштейн, Бертран Рассел, Алфред Айер, Рудольф Карнап, Хилари Патнем, Карл Поппер);
- 5) экзистенциализм (Жан-Поль Сартр, Альбер Камю);
- 6) феноменология (Мартин Хайдеггер);
- 7) психоаналитическая философия (Зигмунд Фрейд, Карл Юнг);
- 8) классические философские концепции (Иммануил Кант, Георг Гегель, Готлиб Фихте);
- 9) неклассические философские концепции (представители постмодернизма: Мишель Фуко, Юлия Кристева, Ролан Барт).

Определение права И. Канта как философско-правовая методологическая модель.

Понятие свободы, виды свободы, их соотношение с правом.

Свобода и произвол

В классической философии права право определяется через понятие свободы. Например, Г. Гегель отождествлял идею права (т. е. сущность права) с идеей свободы. Однако И. Кант рассматривал сущность права в прямо противоположном аспекте – через формулу «ограничение свободы». В этом своеобразном концептуальном противоречии заложена креативная методологическая модель: в данном определении И. Кант легитимирует регламентирующую функцию права в контексте общественных отношений, уточняя, что упомянутые правовые ограничения свободы каждого гражданина имеют в своей основе условие согласования ее с такой же свободой других членов общества: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону»;

а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое полное согласие»¹.

Уместно отметить, что И. Кант создавал свой категорический императив на основе концепций философов не только XVII–XVIII вв., но и Античности (прежде всего стоиков).

С точки зрения стоиков, судьба человека predetermined и не может быть изменена, но человек свободен, так как может самостоятельно определять свое отношение к происходящему. Хотя человек не может изменить ход событий, которые грядут на его жизненном пути, его частная воля, если она не противоречит законам миростроя, может быть реализована тем успешнее, чем больше соответствует правовому всеобщему.

Эти идеи стоиков нашли выражение в основополагающих принципах римского частного права: уважение частной воли, правовая защита частной воли при условии ее непротиворечия закону. Это отражено в Дигестах Юстиниана в виде абстрактного общего принципа: «Закон не может быть изменен волей договаривающихся сторон». Кроме того, в Императорском рескрипте Антонина и Вера правовое всеобщее представлено в формате нормативно установленной правовой защиты интересов всех граждан полиса: «Частные соглашения, несомненно, не могут причинять вреда праву других лиц»².

И. Кант пришел к такой концепции права в 1781 г. в работе «Критика чистого разума». И эту идею, как он сам указывал, он почерпнул у Платона, сославшись на первообразы права, обоснованные Платоном в IV в. до н. э.: «паритет свободных волей», «свобода через подчинение обязанности (закону)».

Идея паритета свободных волей – одного из основополагающих принципов права – была убедительно аргументирована Сократом в споре с Аристиппом, утверждавшим, что законы полиса для него недействительны. Сократ сформулировал принцип «обращаемости зла», отметив, что Аристипп был бы прав, если бы его пути не пересекались с путями других, и что, пренебрегая законами, человек рано или поздно ощутит бремя их нарушения в отношении себя.

И. Кант, определив понятие свободы как способность самостоятельно начинать ход событий, выделил следующие ее виды: свобода целеполагания, практическая свобода, произвол. В текстах И. Канта понятие «произвол» фигурирует синтагматично, меняя смысл в зависимости от контекста. Именно этим можно объяснить вариативность определений права, созданных И. Кантом и вошедших в базовый контент философии права. В работе «Метафизика нравов» И. Кант рассматривал понятие «произвол» в эмпирическом ракурсе, на основе наглядного примера рыночных отношений между двумя лицами, не установившими определенных правил своей сделки и поэтому не имеющими четких представлений о целях друг друга, а значит, и о результатах сделки. Назвав такой эмпирически представленный тип отношений «двусторонним произволом», И. Кант показал, что произвол – это не свобода как таковая, и выразил сомнение в том, «совместим ли в такой форме поступок *одного* из двух лиц со свободой *другого*, сообразной со всеобщим законом»³. В этой же работе И. Кант отметил: «Чисто эмпирическое учение о праве – это голова... которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»⁴. Этот фрагмент может прояснить следующие концепты.

Во-первых, понятия «произвол» и «свобода» не являются безусловными синонимами, но иногда именно так использовались И. Кантом. Во-вторых, в лексиконе философии права за понятием «произвол» постепенно закрепился иной смысл: произвол – это свобода без правил, а значит, несвобода, так как свобода – это производное от ограничений (разум, налагая на себя ограничения, создает пространство свободы). Отсутствие ограничений порождает полную неопределенность, потому что без ограничений нет выбора, а там, где нет выбора, нет свободы. В западном правовом мен-

¹ Кант И. Об отношении теории к практике в морали вообще // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЦОРО, 1994. Т. 8. С. 176.

² Дигесты Юстиниана: в 8 т. / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1. Кн. 1–5. С. 297.

³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

⁴ Там же.

талитете эта конструкция была основополагающей довольно долго – примерно до середины XX в. Однако в дальнейшем под влиянием идей постструктурализма она была деформирована, размыта другой – псевдолиберальной – концепцией свободы, в которой свобода отождествляется с произволом.

И. Кант выделял два вида воли: «свободная» и «животная». «Свободная воля» – воля, основанная на разуме; И. Кант называл ее свободной, потому что разум дает возможность свободного выбора. Мыслитель руководствовался концепцией Сократа «Знание – основа добродетели» в сочетании с античной идеологемой: «Человек может быть свободным и счастливым, если действует в соответствии с законами миростроя, а они доступны только разуму». «Животная воля» – воля, основанная на эмоциях, неконтролируемых влечениях; ее Кант называл несвободной, потому что чувство не дает выбора, безраздельно завладевая волей человека. В обыденном сознании, как правило, доминирует иллюзорная модель свободы: «Что хочу, то и делаю», т. е. свобода отождествляется с произволом. Однако надо различать свободу удовлетворения владеющих человеком сиюминутных влечений и свободу самореализации, требующую самоограничений и усилий (в XX в. представителями философской антропологии было признано, что смысл жизни состоит в наиболее полной самореализации человека).

Б. Спиноза всю жизнь искал ответ на вопрос, что есть человеческая свобода, и создал философскую концепцию, которая вошла в интеллектуальную историю в виде популярного афоризма: «Свобода – это осознанная необходимость». На самом деле это формулировка Ф. Энгельса, выразившего таким образом смысл концепции Б. Спинозы, изложенной им в работе «Этика». Рассматривая соотношение права и свободы по аналогии с соотношением субстанции и модуса, Спиноза пришел к выводу, что «воля, которую мы называем свободной, основана на разуме». Эта концепция была развита И. Кантом и стала основополагающей в философии права¹.

Право как основа общественного прогресса. И. Кант об антагонизме

В научной и учебной литературе роль права в обществе нередко сводится к средству достижения социального компромисса. Однако это поверхностная интерпретация кантовского определения права, в котором говорится о необходимости согласования свободных волей в правовом регулировании.

Логика И. Канта в построении оригинальной концепции самосовершенствования индивида и общества основана на ином понимании мотивов индивидуального самосовершенствования членов общества и, соответственно, роли права в общественном прогрессе. Порядок обоснования этой концепции таков:

1. Природа наделила человека безграничными универсальными возможностями, способностями.

2. Реализация последних требует от человека соответствующих усилий и забот.

3. Для их реализации нужен стимул.

4. Таким универсальным стимулом является антагонизм между людьми: «Средство, которым пользуется природа, чтобы обеспечить развитие всех задатков людей, есть антагонизм между ними в обществе»²; «Природа заботилась не о том, чтобы человек хорошо жил, а о том, чтобы вследствие глубокого преобразования самого себя он стал достоин жизни и благополучия»³.

Под антагонизмом И. Кант понимал конкуренцию. Он был лютеранином – мыслителем эпохи развивающегося капитализма, поэтому в его концепции нашло выражение рыночное мировоззрение, в котором право – это рынок, где эквивалентом всех благ является свобода. (Видимо, поэтому богиня правосудия изображается как продавщица – с весами.)

И. Кант ввел понятие «всеобщее правовое гражданское общество», назвав его обществом свободных людей, т. е. людей, живущих в постоянном антагонизме⁴. Право

¹ Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: моногр. 2-е изд. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. С. 42.

² Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: к вечному миру. Алматы: ВШП «Әділет», 1999. С. 91.

³ Там же. С. 89

⁴ Там же. С. 95.

есть основа социального прогресса, потому что только оно может установить должную меру этого антагонизма, необходимую для стимулирования самосовершенствования людей и тем самым самосовершенствования общества, т. е. для общественного прогресса. Гарантом соблюдения этой меры является категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»¹. Категорический императив Канта не может быть интерпретирован как принцип самозаконности, поскольку сопряжен с основополагающим принципом кантовской этики: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»².

И. Кант определял критериальные различия между видами свободы через их соотношение с правовым регулированием. Свобода целеполагания – это свобода мышления, совести, она не регулируется правом, потому что мышление или свободно, или это не мышление, совесть или свободна, или это не совесть. Римскому юристу Ульпиану принадлежит афоризм: «Образ мыслей ненаказуем». Практическая свобода – это свобода, реализующаяся в поступке. Она регулируется правом, поскольку поступок как внешнее выражение воли одного субъекта может иметь своим результатом взаимодействие с волей другого субъекта. Произвол – это свобода без правил, фактически несвобода, потому что где нет выбора, там нет свободы, а выбор возможен только при наличии ограничений, разграничений. Отсутствие ограничений растворяет свободу в неопределенности. Гражданская свобода как свобода, обеспеченная государством и правом, есть производное от законодательных регламентаций, основанных на фундаментальных общественных идеалах и ценностях, но не с точки зрения их законодательного утверждения, а с позиций установления тех границ практической свободы, которые не противоречат этим ценностям.

И. Канту нередко приписывается раскритикованная им формула: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». В религиозном сознании этот принцип уместен, а в светском он вполне может трактоваться как принцип коррупционной поруки: «Ты – мне, я – тебе». В подтексте этой «прекраснодушной» формулы просматривается возможность, дозволение подмены правовой нормы сделкой на основе «произвола воли». В действительности И. Кант обосновал другой принцип: «Действуй так, как если бы ты хотел, чтобы в отношении тебя действовал тот же закон, которым ты руководствовался в своем поступке».

Оппозиции классической и неклассической философии права в XX–XXI вв.

Во второй половине XX в. основной проблемой, связанной с влиянием правосознания на развитие права, было противоборство между классической и неклассической традициями в философии права.

В середине XX в. (60-е гг.) представители постструктурализма (Мишель Фуко, Феликс Гваттари, Жак Деррида, Жиль Делез, Юлия Кристева) выступили с теорией, альтернативной классической кантовской концепции когерентного соотношения свободы и права, манифестируя привлекательную для молодежи мифологему, согласно которой свободным является поступок, основанный на безумии, а идеалом свободного человека является шизоид.

В дискуссиях о соотношении права и свободы центральными являются вопросы юридизации понятия «свобода», поскольку именно оно задает логику законодательного мышления в области совершенствования норм о правах человека.

Реализация в жизни общества классической кантовской концепции практической свободы строится на том, что ее регламентация со стороны государства задается открыто манифестируемыми правовыми нормами, которые в конечном счете выступают предметом осмысленного выбора.

Постструктурализм же настаивает на том, что подлинная властная регламентация человеческого поведения осуществляется латентно, на уровне повседневных дискурсивных практик. В результате постструктуралисты пришли к выводу, что поступки, основанные на разумном, осознанном выборе, несвободны, ибо совершаются по за-

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. С. 323.

² Кант И. Основы метафизики нравственности. 1785 // Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. С. 270.

ложенным в самом языке стереотипным схемам подчинения человека власти, и только уход из-под контроля довлеющего дискурса в практики отклоняющегося (девиантного) поведения, в «безумие» дает субъекту возможность избежать повседневного рабства, в которое вовлечены все, кто нормален.

Неклассическая философия права.

Постструктуралистская концепция соотношения свободы и права

Легитимация (в данном случае – философское обоснование) скандальных концепций постструктурализма о соотношении свободы и права была основана на идеях Ф. Ницше, изложенных в работе «К генеалогии морали»: «Право господ давать имена заходит столь далеко, что позволительно было бы рассматривать само начало языка как проявление власти господствующих натур»¹. Такая разоблачительная интонация, направленная против «господ», отвечала духу времени и оказала влияние на европейский правовой менталитет. Постструктуралисты, развивая идеи Ф. Ницше, внедрились в социальную логику Европы смысловую цепочку:

1. В обществе, кроме институциональных форм власти, существуют и неинституциональные. В первую очередь, это власть языка, т. е. власть над мышлением, поскольку в языке заложены латентные регуляторы мышления, задающие стереотипы человеческих мотиваций, оценок, принятия решений.

2. Естественным, неотъемлемым правом человека является его право на свободу.

3. Чтобы избавиться от репрессивной функции языка и тем самым обрести свободу, надо сойти с ума, т. е. выйти из-под власти языковых шаблонов и тех норм, которые навязываются средствами отредактированного «господами» языка.

4. Поскольку условием реализации неотъемлемого права человека на свободу являются девиантные формы мышления и поведения, постольку человек имеет право на девиантное поведение, поэтому попытки на основе юридически установленных норм ограничивать последнее весьма сомнительны с точки зрения права человека на свободу.

Стивен Хикс писал: «В рамках прагматической версии постмодернизма нельзя доверять ни одной абстрактной или универсальной теории права. Теории ценятся лишь настолько, насколько они способны предложить юристу или судье полезные вербальные инструменты. Однако оценки полезности субъективны и изменчивы, и потому правовой мир становится полем боя для постмодернистов. Поскольку не существует универсально обоснованных правовых принципов справедливости, дискуссии превращаются в риторические битвы личных интересов... Так называемая объективность и нейтральность правовой аргументации – просто мошенничество. Все решения по сути субъективны и продиктованы личными предпочтениями и политикой»².

Основным предметом противоборства цивилизационных стратегий является борьба за доминирование аккредитованных в них систем ценностей. Для анализа этой глобально разворачивающейся проблемы необходимо дать четкое определение понятия «система ценностей».

Система ценностей – это складывающаяся в общественном сознании система координат самоопределения человека в социальном пространстве – как в культурной среде, так и в сфере витальной прагматики, задающей критерии человеческого благополучия и общественного блага. В противоборстве цивилизационных стратегий идеологически укорененные в них системы ценностей играют роль навигаторов, определяющих цели и тактику реализации политических программ, ориентированных или на защиту традиционных аксиологических устоев, или на глобальное доминирование сконструированных в целях идеологического и политического закрепления программ однополярного мира в интересах резидентов «золотого миллиарда».

Современные философы и политологи не остаются в стороне от проблемы конкуренции систем ценностей. Так, известный своей склонностью к парадоксальным

¹ Ницше Ф. К генеалогии морали: полемическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флеровой; сост. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 417.

² Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 32–33.

суждениям Фрэнсис Фукуяма избрал позицию обесценивания человека как высшей ценности, задав мировому сообществу риторический вопрос: «Почему не дать насекомым, бактериям, кишечным паразитам и вирусам ВИЧ тех же прав, что людям?»¹

Можно сформулировать следующие критические замечания по поводу идеологем постструктурализма.

Во-первых, криминогенность идей постструктурализма во многом связана с тем, что критерии демаркации девиантного и деликтного поведения не являются абсолютными константами. Следовательно, категоричная, манифестированная на уровне прав человека легитимация девиантности неизбежно провоцирует рост преступности.

Во-вторых, сумасбродство и девиации не делают человека свободным, поскольку бред сумасшедшего – это бред на том языке, на котором «сумасшедший» до этого мыслил и говорил (просто выраженный в парадоксально-утрированной форме). В постструктуралистской философии свобода ассоциируется с тотальной антинормативностью и произволом. На правосознание это проецируется как легитимация различных форм девиантного поведения и выступает ассоциативной базой агрессивно внедряемых в массовое сознание идеологем «окон Овертона», транслирующих стандарты порочных мотиваций.

В-третьих, общественное правосознание не может строиться на противопоставлении различных уровней *вменяемости* определенных категорий граждан. Право призвано сохранять и культивировать человеческую целостность, и в этом большая роль принадлежит правосознанию, в котором нет отождествления свободы и произвола.

Подлинный смысл коренного для права понятия «свобода» в равной мере далек как от одномерного, плоского консерватизма, так и от его фиктивного антипода – радикального отрицания традиционных ценностей. Человек свободен ровно настолько, насколько располагает собой в качестве культурного существа и способен освоить те возможности, которые культура дает ему для самореализации. Достойной альтернативой постструктуралистскому отождествлению свободы и произвола являются классические философско-правовые концепции соотношения свободы и права, согласно которым эффективными гарантами свободы личности, ее защиты от манипуляций сознанием являются культура, образованность и просвещенность.

Альтруистические основания права. Г. Фихте: право на культуру

Готлиб Фихте в своей теории естественных прав человека особо выделил культуру в качестве основы самосовершенствования и реализации права на жизнь: «Культура – это неотчуждаемый и не довлеющий над человеком, а органично присущий ему способ самосовершенствования себя и других, человечества в целом»; «Культура – это последнее и высшее средство для конечной цели человека – полного согласия с самим собой»². Философ доказывал, что без реализации этого права человек не может полноценно реализовать все свои права. Именно в сфере культуры свободные люди могут свободно оказывать друг на друга влияние, взаимно способствуя полноценной самореализации. Право на культуру – это право на саму правоспособность. Свои неотъемлемые права человек может реализовать полноценно, будучи воспитанным в определенной культуре, усвоив эту культуру.

Г. Фихте создал философию реал-идеализма (идеал-реализма), в которой весь мир – это мир человека и все, что делает человек, он делает в своем мире. Развивая эти идеи, мыслитель сформулировал альтруистические основания права, дал философское обоснование законопослушного поведения. Логика его рассуждений такова:

1. Природа наделила человека безграничными универсальными возможностями, способностями.

2. Трагизм человеческого бытия в том, что эти способности, возможности не могут быть в полной мере реализованы, потому что человеческая жизнь конечна. Однако этот витальный трагизм преодолим: то, чего не может индивид, могут другие члены рода и это наполняет его жизнь полнотой и смыслом.

¹ Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? / пер. с фр. Л. Е. Куббеля, пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Родина, 2018. С. 158.

² Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 16, 17.

3. Человек, осознавая себя членом рода, получает возможность полноценно самореализоваться и компенсировать страх невозможности полной самореализации: «То, что называется смертью, не может уничтожить моего творения, потому что мое творение должно быть закончено, и оно не может быть ни в какое время закончено, следовательно, для моего существования не определено какое-нибудь время, и я вечен»¹.

Русский философ права П. И. Новгородцев высказывал недоумение по поводу противоречивости следующих утверждений Г. Фихте: «Государство вправе требовать от гражданина всех его сил и способностей без остатка»; «Никто не смеет относиться к человеку как к вещи, навязывать ему, даже в его интересах, свою волю». Но на самом деле здесь нет противоречия. Во-первых, по глубочайшему убеждению Г. Фихте, никто не должен навязывать свою *частную* волю другим субъектам, но в качестве уполномоченного лица субъект вправе предъявлять требования согражданам в соответствии со своими гражданскими правомочиями. Во-вторых, по мнению Г. Фихте, у государства есть экзистенциальная задача – создавать гражданам условия для их свободной самореализации, а для этого надо, чтобы отдельные члены общества не разрушали проявлениями своей дурной особенности полноту, целостность, смысл бытия других граждан. Это требует, наряду с правовой защитой личности, охраны общественного порядка, иногда связанной с принуждением.

В правовую политику государства не входит обязанность сделать каждого члена общества счастливым, но власти должны обеспечивать необходимые условия для того, чтобы каждый гражданин мог самостоятельно добиться счастья. К числу таких необходимых условий относится возможность граждан жить среди культурных, хорошо воспитанных и образованных людей. Поэтому государство должно протекционировать культуру, образование, просвещение, способствуя развитию гражданского общества.

Философия права Г. Гегеля. Ее современное значение

Г. Гегель рассматривал развитие права как развитие идеи свободы, поскольку «идея права – это идея свободы».

В работе Г. Гегеля «Философия права» исследованы две модели саморазвития права. Первая модель – это иерархично представленные в оглавлении названной книги этапы генезиса права, рассматриваемого в единстве исторически сложившихся правоотношений и их отражения в правосознании:

- 1) абстрактное право, в котором еще не вполне сформировано соотношение субъективных прав и коррелятивно связанных с ними обязанностей;
- 2) моральность: «мое право» находится в отношении внешней обусловленности с моими обязанностями;
- 3) нравственность: «мое право» находится во внутренней обусловленности с моими обязанностями и с правами других.

Вторая модель саморазвития права – это развитие права от права собственности к «праву особенности», когда право стало защищать не только собственность, но и личность, ее духовные ценности.

Концептуализируя понятие особенности, Г. Гегель ввел понятие «внутренняя собственность духа», сопроводив его признанием: «Это моя душа, тело, все, что создано моим творчеством и принадлежит мне, мои чувства». При этом Г. Гегель уточнил: «Владение телом и духом, которое достигается образованием, занятиями, привычками и т. д., представляет собой внутреннюю собственность духа»². Г. Гегель позитивно оценил возможность договорного отчуждения элементов внутренней собственности духа: «Все мое тело и моя жизнь могут быть предметом договорного отчуждения».

В XX в. реализовались все идеи великого мыслителя, в которых сегодня просматривается предвидение технологий, способствующих увеличению степеней свободы и расширению возможностей самореализации человека: информационные технологии распространения знаний в обществе, жизнеобеспечительные технологии – переливание крови, трансплантация, ЭКО и др. В социальной легитимации этих новаций

¹ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 41.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 103.

большую роль сыграла современная юриспруденция, придерживающаяся адекватных интересам человека и общества принципов правовой защиты особенности. Классический философско-правовой дискурс не только не устарел, но и наращивает свою актуальность.

В текстах Г. Гегеля методологическая плодотворность понятия «внутренняя собственность духа» проявилась в широком тематическом спектре:

1. Автор книги «Философия права», изучая содержание и суть науки о праве, отметил во введении «абсолютную ценность культуры» в праве¹.

2. Г. Гегель, признавая абсолютную ценность культуры, исследовал правовой статус и роль носителей культуры в развитии права: «Можно задать вопрос: находится ли художник, ученый и т. п. в юридическом владении своим искусством, своей наукой?»² На основе подробного анализа этого вопроса Г. Гегель создал концепцию, согласно которой внутренняя собственность духа людей творческих профессий реализуется в их духовном творчестве, продукты которого с течением времени переходят во всеобщую собственность. Этот переход опосредуется практиками договорного отчуждения духовной собственности, входящей во внутреннюю собственность ученых, изобретателей – вообще тех людей, особенность которых состоит в том, что, руководствуясь своими интересами, они приносят пользу обществу в целом.

3. Г. Гегель подошел к понятиям «особенность» и «внутренняя собственность духа» диалектично и наряду с положительными для развития права аспектами правовой защиты особенности, внутренней собственности духа отметил ее негативные аспекты: «Особенность для себя есть излишество и безмерность, и формы этого излишества также безмерны. Своими представлениями и рефлексиями человек расширяет сферу своих вожеланий и ведет их в дурное бесконечное»³.

Философия права Г. Гегеля – пример того, насколько важен философский подход к праву, в частности, для совершенствования юридической практики. Критикуя юридические практики того времени, Гегель как будто предвидел опасные для общества последствия зарождающейся в юриспруденции тенденции приоритетного отношения к произволу и писал, что нередко судьи пытаются оправдать преступные поступки «восторженностью», т. е. состоянием обостренного непреодолимого желания. Гегель называл эту особенность «дурной особенностью». «Дурная особенность» – это то, что человек считает для себя возможным проявить на том лишь основании, что относится к этому «восторженно», не считаясь с тем, что это запрещено моралью, культурой, законом. Поэтому к правовой защите особенности нельзя относиться абстрактно, без учета характера ее конкретных проявлений. Правовые дозволения не должны противоречить моральным и культурным нормам только на том основании, что их нарушение некоторыми субъектами мотивируется «восторженностью»⁴. В «дурной особенностях» нет правовой всеобщности внутренней собственности духа. Если право защищает особенность только потому, что это особенность как таковая, то оно может послужить и «дурной особенностям». Это было написано Гегелем в начале XIX в., но в XX и XXI вв. сохранило актуальность: именно отождествление свободы и произвола стало доминирующим в западном правосознании с «легкой руки» постмодернизма.

Г. Гегель жил не в «башне из слоновой кости», а в правовом пространстве своей эпохи и оценивал разворачивающиеся в ней процессы через призму интересов человека: «Слава Богу! В наших государствах кодексы можно начинать с дефиниции человека – в качестве правоспособного индивидуума, – не опасаясь натолкнуться на права и обязанности человека, которые противоречили бы понятию человека. Разумны те законы, государственные устройства, которые соответствуют природе человека, понятию человека, свободе»⁵.

Г. Гегель в работе «Философия права» объяснял, почему право делает человека свободным. Во-первых, закон защищает человека от посягательств на его достоин-

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 83.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 385.

ство и собственность. (Человеческое достоинство Гегель относил к категории «внутренняя собственность духа» и причислял к ее элементам, кроме достоинства, таланта и других духовных ценностей, тело и жизнь.) Во-вторых, закон освобождает человека от бремени животных влечений. Развивая эту тему, лауреат Нобелевской премии Анри Бергсон доказал, что закон выполняет функцию морального контрфорса, предостерегая человека от преступных соблазнов. В-третьих, закон освобождает человека от мучительных рефлексий по поводу должного и запретного.

Кроме перечисленного, можно добавить, что закон предоставляет человеку свободу в выборе действий, поскольку структура юридической нормы содержит гипотезу, диспозицию и санкцию, что в совокупности дает субъекту права возможность учитывать в своем выборе его последствия. Так, в УК РФ нет прямых запретов, зато сообщается о мерах наказания применительно к ситуациям, предусмотренным в гипотезах и диспозициях юридических норм.

Развивая идеи Г. Гегеля, видные мыслители XX в. обосновали концепцию неустрашимости принуждения из правового регулирования в государстве любого типа, даже в условиях высокого уровня правосознания в обществе. Джон Ролз доказывал экзистенциальную потребность людей в принудительной силе закона: «Разумно предположить, что даже во вполне упорядоченном обществе полномочия правительства, связанные с принуждением, являются, до некоторой степени, необходимыми для стабильности социальной кооперации... Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположений о том, что другие не подчиняются правилам... Дело, скорее в том, что существование эффективного карающего механизма служит людям взаимной страховкой»¹.

В работах Г. Гегеля отсутствует понятие «правовое государство». Но он внимательно исследовал роль права в саморазвитии государства.

В контексте гегелевской философии предмет философии права – это логика саморазвития идеи права, лежащая в основе объективации человеческих смыслов в институционально-предметных формах права (прежде всего в законах).

Проблема правовой сущности наказания

Нарушая конкретную правовую норму, субъект тем самым нарушает право в целом. Наказание – это способ восстановления нарушенного права как для всего общества, так и для преступника как члена общества.

Законодатель не может достичь абсолютно точного соответствия наказания преступлению. Создав альтруистическую концепцию смысла человеческого бытия, Г. Фихте занимал уникальную позицию по вопросу о смертной казни: «Если человек – член рода своими действиями обозначил невозможность пребывать в этом роде, и если род осознал, что совершенные человеком преступления несовместимы с его бытием, то казнь – единственное средство. Но при этом род должен понимать, что, казня члена рода, он, в известном смысле, наносит себе ущерб, поэтому надо все-таки искать пути для того, чтобы дать преступнику время и тем самым возможность осознания недопустимости совершенного им зла... Чтобы в каждой личности признавать и уважать человеческий род, никто не может быть лишен жизни. Государство же должно прибегать к лишению преступника жизни лишь в случаях крайней необходимости и только тогда, когда не остается никаких других средств, ибо преступник все же остается членом рода и, как таковой, имеет право на возможно более долгую жизнь для самоисправления»².

Стоит заметить, что тема самоисправления преступника достаточно популярна в теории наказания, она нашла оригинальные интерпретации в практиках обернской и филадельфийской пенитенциарных систем. Что касается теории, то уместно сослаться на концепцию Г. Гегеля, согласно которой «если общество само еще недостаточно устойчиво, то наказания должны служить устрашающим примером, так как наказание само есть пример, направленный против примера преступления»³.

¹ Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 214.

² Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Сочинения. Т. 2. С. 580.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 285.

Синергетические аналогии методологических моделей классической философии права

Если попытаться глубже вникнуть в те определения, которые Гегель давал государству, то помимо метафорических аналогий: «нравственный универсум», «действительность нравственной идеи» – возникают ассоциации с синергетикой – наукой о сложных самоорганизующихся системах, функционирующих в авторефлексивном, автокаталитическом режиме. Эти ассоциации вполне обоснованны, если принять во внимание, что Гегель называет государство «соотносящимся с собой организмом»: «...индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное право*...»¹. Очевидно, что это сильно напоминает синергетическую модель социума, поскольку «соотносящийся с собой организм» в любом случае есть система, функционирующая в авторефлексивном режиме.

Аналогии такого рода, опережающие время, нередки в истории науки. Так, И. Ньютон задолго до теории микрочастиц пришел к выводу, что свет состоит из корпускул. Не избежал синергетических моделей и Г. Фихте, создав концепцию «целесообразного сообщества» – рода как самоорганизующейся системы, элементы которой пролонгируют ее существование в режиме диахронического суммирования продуцируемых ими ресурсов.

С начала XX в. расширяется методологический спектр философии права за счет использования синергетических моделей в правовом конструировании социальной реальности.

Гносеология права

Гносеология права – система знаний об источниках правового знания, о способах получения знаний о праве, изучающая различные теории истины с точки зрения их значения для права.

Понятный аппарат гносеологии права включает в себя понятия «истинность» (как характеристика текста), «истина» (ее виды), «метод» и другие понятия, входящие в лексикон методологической проблематики, «интерпретация» и другие понятия юридической герменевтики.

Истинность – это характеристика текста, придающая ему статус доказательства или основания для действий в соответствии с его содержанием. В юриспруденции важны четкие представления о видах истины.

1. Корреспондентская концепция истины (Аристотель): истина есть соответствие знания объекту. В борьбе правовых интересов значима степень обоснованности, легитимности конкурирующих позиций сторон, интерпретационных версий. При этом важнейшей составляющей такого рода легитимации являются предусмотренные законом способы установления достоверности всех видов информации – будь то заявления, свидетельские показания или экспертные заключения.

2. Конвенциональная концепция истины: истина – это продукт соглашения. В различных правовых системах этот концепт действует по-разному. Базовым он является в гражданском праве, но в американской правовой системе он применяется не только в цивилистике (там процессуальные порядки допускают соглашения между процессуальными фигурами по поводу будущего судебного решения не только по гражданским, но и по другим категориям дел). Примером реализации концепта конвенциональной истины является суд присяжных.

3. Прагматистская концепция истины: критерием истинности выступает успешность деятельности, основанной на ее содержании.

4. Концепция объективной истины. В. И. Ленин в работе «Философские тетради» рассматривал истину как процесс движения от явления к сущности (от сущности первого порядка к сущности второго порядка)².

Истина как процесс в юриспруденции выражается в иерархической инстанционной структуре правосудия.

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 285.

² Ленин В. И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1990. С. 200.

Эпистемология права

Эпистемология – это теория научного познания. Эпистема в древнегреческой философии – это понятийное знание, знание о сущностях. В качестве ее альтернативы выступает «докса» (мнение толпы, которую редко посещает здравый смысл).

В обществе стихийно складывается система «исторических априоризмов» (эпистем), т. е. основополагающих понятий, задающих мировоззренческие ориентиры, шкалу базовых ценностей. Они служат точкой отсчета в системе ценностей. Эпистемы действуют в социальном пространстве: в науке, искусстве, образовании, культуре, юриспруденции, если говорить о правовых коммуникациях. В правовой коммуникации правовые эпистемы выполняют роль базовых носителей правовых ценностей, методологий.

В эпистемологии конкретной правовой системы представлены методологические и мировоззренческие ориентиры, позволяющие законодателю, правоведам с высокой степенью точности выявлять объективные основания правообразования, которое не должно зависеть от корпоративных интересов (лоббизма) и случайного стечения обстоятельств. К числу доминирующих эпистем национального права относятся базовые понятия, отражающие государственно-правовой идеал.

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Дигесты Юстиниана: в 8 т. / пер. с лат., отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1. Кн. 1–5. 583 с.
- Кант И. Об отношении теории к практике в морали вообще // *Кант И. Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 717 с.
- Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: к вечному миру*. Алматы: ВШП «Эділет», 1999. 153 с.
- Кант И. *Метафизика нравов в двух частях. 1797* // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
- Кант И. *Основы метафизики нравственности. 1785* // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219–310.
- Ленин В. И. *Философские тетради*. М.: Политиздат, 1990. 640 с.
- Малинова И. П. *Философия права и юридическая герменевтика: моногр.* 2-е изд. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. 200 с.
- Ницше Ф. *К генеалогии морали: полемическое сочинение* // *Ницше Ф. Сочинения*: в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флеровой; сост. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–524.
- Ролз Д. *Теория справедливости* / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. 534 с.
- Фихте И. Г. *Несколько лекций о назначении ученого* // *Фихте И. Г. Сочинения*: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 7–64.
- Фихте И. Г. *Основные черты современной эпохи* // *Фихте И. Г. Сочинения*: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 359–618.
- Фукуяма Ф., Бродель Ф. *Триумф глобализма. Конец истории или начало?* / пер. с фр. Л. Е. Куббеля, пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Родина, 2018. 238 с.
- Хикс С. *Объясняя постмодернизм*. М.: РИПОЛ классик, 2021. 320 с.

References

- Fichte I. G. (1993) Neskol'ko lektsii o naznachenii uchenogo [Several lectures on the appointment of a scientist]. In Fichte I. G. *Sochineniya: in 2 vols.*, compiled by V. Volzhskii. St. Petersburg, Mifril, vol. 2, pp. 7–64.
- Fichte I. G. (1993) Osnovnye cherty sovremennoi epokhi [The main features of the modern era]. In Fichte I. G. *Sochineniya: in 2 vols.*, compiled by V. Volzhskii. St. Petersburg, Mifril, vol. 2, pp. 359–618.
- Fukuyama F., Brodel' F. (2018) *Triumf globalizma. Konets istorii ili nachalo?* [The triumph of globalism. The end of history or the beginning?], transl. from French by L. E. Kubbel', transl. from Eng. by M. B. Levin. Moscow, Rodina, 238 p.
- Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.
- Hicks S. (2021) *Ob'yasnyaya postmodernizm* [Explaining postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik, 320 p.
- Kant I. (1965) *Metafizika nravov v dvukh chastyakh. 1797* [Metaphysics of morals in two parts. 1797]. In Kant I. *Sochineniya: in 6 vols.* Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 107–438.
- Kant I. (1966) *Osnovy metafiziki nravstvennosti. 1785* [Fundamentals of the metaphysics of morality. 1785]. In Kant I. *Sochineniya: in 6 vols.* Moscow, Mysl', vol. 4, part 1, pp. 219–310.

Kant I. (1994) Ob otnoshenii teorii k praktike v morali voobshche [On the relation of theory to practice in morality in general]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols.* Moscow, ChORO, vol. 8, 717 p.

Kant I. (1999) *Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane: k vechnomu miru* [The idea of universal history in the world-civil plan: towards eternal peace]. Almaty, VShP «Эдilet», 153 p.

Kofanov L. L. (Ed.) (2002) *Digesty Yustiniana* [Digests of Justinian]: in 8 vols., transl. from Latin. Moscow, Statut, vol. 1, books 1–5, 583 p.

Lenin V. I. (1990) *Filosofskie tetradi* [Philosophical notebooks]. Moscow, Politizdat, 640 p.

Malinova I. P. (2015) *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika* [Philosophy of law and legal hermeneutics], 2nd ed. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 200 p.

Nietzsche F. (1990) K genealogii morali: polemicheskoe sochinenie [On the genealogy of morality: a polemical essay]. In Nietzsche F. *Sochineniya: in 2 vols.*, transl. from German by Yu. M. Antonovskii, N. Polilov, K. A. Svas'yan, V. A. Flerova; ed. by K. A. Svas'yan. Moscow, Mysl', vol. 2, pp. 407–524.

Rawls D. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice], transl. from Eng. by V. V. Tselishchev, V. N. Karpovich, A. A. Shevchenko. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 534 p.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ялаева Наталья Вячеславовна

Доцент кафедры иностранных языков
Российского технологического университета МИРЭА (Москва), кандидат педагогических наук,
доцент, ORCID: 0000-0003-4460-1222, e-mail: yalaeva-nv@mail.ru.

Садыкова Наталья Валерьевна

Старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0003-0646-0297, e-mail: nine999@list.ru.

Аникина Марина Сергеевна

Аспирант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

Формирование навыков публичных выступлений на занятиях по английскому языку является одним из ключевых элементов учебного процесса в юридическом университете. Цель публичного выступления – донесение информации до аудитории и формирование у нее ответной реакции. Однако не каждый студент может построить свое выступление последовательно и логично даже на родном языке. Часто это происходит из-за неуверенности в своих силах и страха публичных выступлений. Поэтому, когда появляется необходимость подготовить доклад на английском языке, будущий юрист сталкивается с большими трудностями. В статье даны рекомендации по использованию заданий для обучения навыкам публичных выступлений в преподавании английского языка в юридическом вузе. Такими заданиями являются любые упражнения, в которых студент устно обращается к аудитории. Авторы уделяют внимание в первую очередь студенческим презентациям и дебатам.

Ключевые слова: навыки публичных выступлений, студенческая презентация, дебаты, обучение иностранному языку, задания для обучения

Для цитирования: Ялаева Н. В., Садыкова Н. В., Аникина М. С. Формирование навыков публичных выступлений на занятиях по английскому языку // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 57–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_57.

FORMATION OF PUBLIC SPEAKING SKILLS IN ENGLISH CLASSES

Yalaeva Natalia

Associate professor, Russian Technological University MIREA (Moscow),
candidate of pedagogical sciences, ORCID: 0000-0003-4460-1222, e-mail: yalaeva-nv@mail.ru.

Sadykova Natalia

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0003-0646-0297, e-mail: nine999@list.ru.

Anikina Marina

Post-graduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

Formation of public speaking skills in English classes is one of the key elements of the educational process in a law school. The purpose of public speaking is to con-

vey information to the audience and form a response from it. However, not every student can build their presentation consistently and logically even in their native language. Often this is due to self-doubt and fear of public speaking. Therefore, when it becomes necessary to prepare a report in English, the future lawyer faces great difficulties. The article gives recommendations on the use of public speaking tasks in teaching English at law school. Such tasks include any exercises in which the student orally addresses the audience. The article focuses on two types of tasks: student presentations and debates.

Key words: public speaking skills, student presentation, debates, foreign language teaching, learning tasks

For citation: Yalaeva N., Sadykova N., Anikina M. (2022) Formation of public speaking skills in English classes. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 57–63, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_57.

В настоящее время юристу недостаточно быть просто профессионалом своего дела. Для работодателя важно, чтобы его сотрудник владел навыками работы с клиентами, умел грамотно, четко и логично выстраивать свою речь и выступать перед аудиторией. Современному специалисту приходится иметь дело с большим объемом деловой информации, которую необходимо правильно понимать, перерабатывать, реализуя при этом свои коммуникативные умения (в публичных выступлениях, при ведении переговоров, в дискуссиях, на производственных совещаниях) и демонстрируя в своей речи профессиональную компетенцию¹. Профессиональный юрист всегда сможет отстаивать свою точку зрения, привести доводы в обоснование своей позиции и убедить собеседника.

По нашему мнению, в коммуникативном плане обучение английскому языку играет важную роль в профессиональной подготовке студентов-юристов и формировании личности в целом. Подготовка публичных выступлений – необходимая часть обучения иностранному языку в юридическом университете. Во время публичного выступления будущий юрист отрабатывает самые значимые навыки: общение, творческое мышление, сотрудничество, креативность (*communication, creative thinking, cooperation, creativity*), так называемые *Four Cs*².

Студенты юридического университета готовят на английском языке не только краткие сообщения по конкретным правовым вопросам или проблемам, но и развернутые научные доклады разной отраслевой направленности, в рамках которых они аргументируют свою позицию по выбранной теме и представляют результаты своих исследований.

Формирование навыков публичных выступлений на иностранном языке становится для студентов-юристов все более актуальным благодаря установлению международных контактов и необходимости обсуждать значимые теоретические и практические юридические проблемы в рамках научных конференций и круглых столов³.

Целью любого публичного выступления является донесение до слушателей информации и формирование у них ответной реакции на поставленную проблему⁴. К сожалению, не каждый студент может построить свое выступление последовательно и логично даже на родном языке, в том числе из-за неуверенности в своих силах и страха публичных выступлений⁵. Поэтому, когда появляется необходимость подготовить доклад на английском языке, будущий юрист сталкивается с большими трудностями. В частности, многие докладчики боятся, что не смогут продолжить вы-

¹ Культура русской деловой речи и деловая риторика: учеб. пособие / под ред. И. В. Родиной, Л. В. Промах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 5.

² *Соболева О. С., Савицкая Т. П.* Методические аспекты подготовки публичного выступления на английском языке в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2020. № 4. С. 125.

³ *Левитан К. М.* Подготовка юристов в ФРГ (из опыта международных связей УрГЮА) // Российский юридический журнал. 2001. № 2. С. 145.

⁴ Методика публичного выступления: учеб. пособие / под ред. И. И. Головановой. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 14.

⁵ *Grieve R., Woodley J., Hunt S. E., McKay A.* Student fears of oral presentations and public speaking in higher education: a qualitative survey // Journal of Further and Higher Education. 2021. Vol. 45. No. 9. P. 2.

ступление, если забудут заранее подготовленный текст на иностранном языке или не вспомнят какое-то английское слово или выражение. Большинство студентов боятся не понять и, как следствие, не ответить на дополнительные вопросы аудитории после доклада. Если заранее не проработать названные проблемы, публичное выступление прозвучит неубедительно и его цель так и не будет достигнута.

Цель данной статьи – дать рекомендации по использованию заданий для обучения навыкам публичных выступлений в преподавании английского языка в юридическом вузе и выделить некоторые их преимущества.

К упражнениям для обучения выступать публично мы относим любые задания, в которых студент устно обращается к аудитории. В настоящей статье речь пойдет только о двух видах таких заданий: студенческих презентациях и дебатах.

Презентация на иностранном языке – это одна из форм подготовленной монологической речи, представляющая собой сообщения, сделанные отдельными учащимися или группой на основе изученного материала. Успех презентации зависит от многих факторов. Важно не только владеть информацией и уметь донести ее до аудитории, но также установить контакт и обратную связь со слушателем.

Огромное значение имеет наличие опыта публичных выступлений. Если у студента нет такого опыта, но ему предстоит выступить со своей презентацией перед аудиторией (не имеет значения, многочисленной или нет) на английском языке, сам процесс выступления может вызвать стресс. Именно поэтому создание презентаций является самым распространенным заданием для студентов. Значительное внимание при этом уделяется подготовке. Можно выделить три основных этапа подготовки к выступлению с презентацией.

Первый этап работы над студенческой презентацией включает в себя поиск необходимой информации по соответствующей теме и выбор тех иноязычных речевых единиц, которые понадобятся для выражения этой информации. В частности, перед выступлением студенту необходимо пополнить свой словарный запас, т. е. поработать с лексикой по теме презентации. Помимо прочего, студенту-докладчику важно оценить свою целевую аудиторию, т. е. тех, перед кем он будет выступать, поскольку слушатели должны понимать его и знать значение терминов, которые он будет употреблять в ходе своей презентации.

Пример задания. Work in groups, follow the steps below.

1. Choose one of the topics or suggest your own: «How to Obtain Legal Education in the UK / the USA / Russia»; «Legal Education and Professional Development»; «Legal Education in Different Legal Traditions».

2. Study the websites below to search for the information on admission rules and requirements: <https://www.studying-in-uk.org/>; <https://www.lawstudies.com/>; <https://hls.harvard.edu/>; <https://www.americanbar.org/>; <https://www.lawsociety.org.uk/>; <https://www.barstandardsboard.org.uk/>; <https://www.barcouncil.org.uk/>.

На втором этапе работы над созданием студенческой презентации выполняются упражнения, которые направлены на построение фраз и их синтаксическое оформление, а также на надлежащее оформление начала, развития и логического завершения темы презентации¹.

Пример задания. Study some useful phrases for making a presentation and its structure.

Greet the audience: «Good afternoon, everyone. Thank you for coming».

Introduce yourself: «I'm + name + from + organization...»

State the purpose: «I'm here today to talk about...»

State the main points: «My presentation consists of three parts... First... Second... And finally...»

The main part: «Let's begin with... Now let's move on to... And finally, I'd like to turn to...»

Show visuals and give more details: «I'd like to show you a... I'd like to add...»

Summarize: «So, first I spoke about... Then we talked about... And finally, we looked at...»

Make a conclusion: «In conclusion, I'd like to say that...»

Handle questions: «Now if you have any questions, I'll be happy to answer them»².

¹ Алексеева Т. Д., Суслина А. А. Профессионально ориентированное обучение английскому языку на старших курсах в неязыковом вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 14.

² Английский язык для юристов = Legal English + eПриложение: учеб. / под ред. К. М. Левитана. М.: Кнорус, 2021. С. 29–30.

Третий этап подготовки к презентации представляет собой непосредственно говорение, т. е. последовательное и логичное изложение информации, которая была отобрана и структурирована на двух предыдущих этапах. Этот этап является наиболее сложным, поскольку сопряжен с необходимостью преодоления психологических барьеров, связанных со страхом докладчика перед аудиторией. Однако, как правило, чем чаще студент выступает на публике, тем более уверенным в себе он становится и со временем этот страх отступает.

Необходимо подчеркнуть значимость заключительного этапа – оценки презентации. Он предусматривает не только контроль усвоения студентом языкового материала и уровня его коммуникативной компетенции, но и оценивание работы учащегося или преподавателем (структура, содержание, тематика, оформление, степень владения языком и т. д.). Разработанные преподавателями критерии оценивания презентаций позволяют студентам анализировать свои доклады и выступления одноклассников. Регулярное применение модели критериального оценивания выступлений с использованием мультимедийных презентаций на занятиях со студентами помогает организовать неформальное включение студентов в работу, формирует у них навыки критического мышления, развивает аналитические способности и речевое мастерство¹.

Дебаты – это педагогическая технология, которая приобретает особое значение при изучении юристами иностранного языка, так как является одним из способов развития иноязычной коммуникативной компетенции². Учебные дебаты – это интерактивный вид заданий, требующий, как правило, значительной подготовки. Они могут проходить в составе мини-групп студентов, которые поочередно представляют свою точку зрения.

В ходе проведения дебатов студент:

- 1) вырабатывает диалектическое мышление, поскольку ему приходится рассматривать поставленную проблему с разных сторон. Помимо прочего, одна из ключевых задач дебатов – научиться аргументировать свою позицию и убеждать оппонента;
- 2) развивает ораторские навыки, когда отстаивает свою точку зрения и грамотно выстраивает речь;
- 3) осознает свою профессиональную роль как юриста, который в практической деятельности доказывает верность своей позиции как устно, так и письменно.

Задания для дебатов требуют более тщательного планирования и большей вовлеченности участников, нежели презентации, но они стоят затраченных усилий. Несомненными преимуществами занятий в форме дискуссии являются преодоление трудностей в межкультурном деловом общении, включение будущих юристов в динамичный поликультурный мир и развитие поликультурной языковой личности при обучении иностранному языку в юридическом университете³.

Тематика дебатов определяется в зависимости от цели занятия (например, вопросы образования, особенности судебного процесса в разных странах, права человека). В процессе подготовки к дебатам учащиеся совершенствуют навыки осознанного чтения нужной информации и передачи уже переработанного материала, а также учатся излагать свои доводы в письменной форме. Как правило, такая подготовка требует активного взаимодействия между членами команды, поскольку они собирают информацию и вместе обсуждают идеи.

Пример задания. Work in groups. Discuss advantages and disadvantages of obtaining a law degree. Use the phrases given below:

Advantages: «One of the advantages of... is...», «The positive points include...», «Another positive aspect is...», «Another benefit is...»

Disadvantages: «The first disadvantage of... is...», «There are many negative aspects and one of them is...», «The drawbacks of something are...», «The negative points include...»

¹ Юшкова Н. А. Развитие компетенций студентов-юристов в работе с мультимедийными презентациями // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 264.

² Боровкова М. В. Использование педагогической технологии «Дебаты» в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку студентов-юристов как основополагающий фактор в формировании ключевых компетенций юриста // Современное педагогическое образование. 2020. № 5. С. 120.

³ Yalaeva N. V., Sadykova N. V. The main principles of developing students' language competence in English classes at a law school // Modern Pedagogical Education. 2021. № 7. P. 110.

Использование заданий для обучения публичным выступлениям имеет множество преимуществ. Выделим наиболее важные из них: совершенствование языковых навыков; развитие умения мыслить критически; повышение результативности обучения.

Упражнения, направленные на подготовку дебатов и презентаций, совершенствуют одновременно четыре языковых навыка: говорения, аудирования, чтения и письма. Надо сказать, что в большей степени развивается навык говорения, поскольку, как правило, все выступления проходят в устной форме. Навык аудирования развивается в процессе оценки студентом выступлений его одногруппников. Этот навык приобретает наибольшее значение во время проведения студенческих дебатов, поскольку выступающие должны слушать и запоминать аргументы оппонентов, чтобы затем отвечать на их реплики. Развитие навыков чтения и письма происходит в процессе изучения и анализа многочисленных источников информации, которые студенты будут использовать при составлении презентации или во время подготовки к дебатам. Письменная речь совершенствуется, когда обучающиеся делают заметки при подготовке к устным выступлениям.

Упражнения и задания, направленные на подготовку студенческих дебатов и презентаций, также способствуют развитию умения мыслить критически. В процессе подготовки к публичному выступлению студентов просят выработать свою позицию, изучить разные точки зрения, проанализировать аргументы, оценить достоверность источников информации и провести различие между релевантной и нерелевантной информацией¹. Когда обучающиеся задают актуальные вопросы, разрабатывают способы решения поставленных проблем, сравнивают доводы оппонентов, выявляют противоречия и делают выводы, можно говорить о том, что они усвоили материал и научились подходить к полученной информации критически.

Помимо прочего, развитие навыков публичных выступлений повышает результативность обучения. Лучший способ продемонстрировать свои знания – выступить с презентацией по конкретной теме. Это задание помогает студентам синтезировать знания из разных источников и выступить в роли преподавателя, объясняя выбранную тему одногруппникам. Установлено, что подобное объяснение способствует более высокому уровню понимания материала самим обучающимся. Студенты гораздо лучше усваивают информацию, когда им приходится объяснять ее другим. Кроме того, планирование презентации и возможных вопросов аудитории приводит к более тщательной проработке информации.

Ежегодно студенты Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева участвуют в научно-практических конференциях, становятся лауреатами и победителями международных конкурсов, проводимых на английском языке. Учащиеся магистратуры и аспирантуры принимают участие в межвузовских и международных конференциях, проводимых кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи. Выступления, как правило, готовятся на русском и иностранных языках. По итогам конференции аспиранты и магистранты могут подготовить тезисы или статьи. Учебная и научная деятельность в университете нацелена на профессионально-личностное развитие будущих юристов, расширение их профессионального кругозора и формирование навыков самообразования. Участие в научных конференциях и семинарах дает опыт публичных выступлений и порождает интерес к научной работе.

Задания для подготовки презентаций и дебатов требуют от студентов умения проводить самостоятельное научное исследование, демонстрировать и анализировать языковые средства, а также содержание выбранной темы. Приведенные нами примеры заданий содержатся в учебнике «Английский язык для юристов», разработанном коллективом преподавателей кафедры русского, иностранных языков и культуры речи для магистратуры и аспирантуры. В учебнике представлены аутентичные страноведческие и профессионально ориентированные (юридические) тексты из современных источников, а также упражнения по развитию иноязычных компетенций во всех видах профессиональной речевой деятельности. Упражнения предпола-

¹ Забровская А. А., Рублева Е. А. Навык проведения презентации и самопрезентации как необходимый элемент обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе // Гуманитарный вестник. 2017. № 6. С. 12.

гают прежде всего изучение структуры презентации, клишированных фраз для проведения презентаций и дебатов, работу в группах, обсуждение преимуществ и недостатков предмета дискуссии, подготовку сообщений по конкретной теме. В учебнике даны ссылки на сайты, где можно найти дополнительную информацию по теме презентации или дебатов, а сама подготовка к докладу делится на стадии.

В ходе подготовки публичных выступлений на английском языке студенты юридических вузов учатся искать нужную информацию, структурировать содержание презентаций и выступать перед аудиторией. Рассмотренные виды заданий знакомят студентов с культурой речевого общения «англоговорящих» стран. Помимо этого, применяя свои знания по правовым дисциплинам, студенты совершенствуют профессиональные навыки. Полученный на занятиях по иностранному языку опыт поможет будущим юристам чувствовать себя более уверенными в практической деятельности.

Список литературы

Алексеева Т. Д., Суслина А. А. Профессионально ориентированное обучение английскому языку на старших курсах в неязыковом вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 13–17.

Английский язык для юристов = Legal English + eПриложение: учеб. / под ред. К. М. Левитана. М.: Кнорус, 2021. 552 с.

Боровкова М. В. Использование педагогической технологии «Дебаты» в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку студентов-юристов как основополагающий фактор в формировании ключевых компетенций юриста // Современное педагогическое образование. 2020. № 5. С. 119–121.

Забровская А. А., Рублева Е. А. Навык проведения презентации и самопрезентации как необходимый элемент обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе // Гуманитарный вестник. 2017. № 6. С. 1–14.

Культура русской деловой речи и деловая риторика: учеб. пособие / под ред. И. В. Родиной, Л. В. Промах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 200 с.

Левитан К. М. Подготовка юристов в ФРГ (из опыта международных связей УрГЮА) // Российский юридический журнал. 2001. № 2. С. 145–152.

Методика публичного выступления: учеб. пособие / под ред. И. И. Головановой. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 107 с.

Соболева О. С., Савицкая Т. П. Методические аспекты подготовки публичного выступления на английском языке в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2020. № 4. С. 124–136.

Юшкова Н. А. Развитие компетенций студентов-юристов в работе с мультимедийными презентациями // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 259–265.

Grieve R., Woodley J., Hunt S. E., McKay A. Student fears of oral presentations and public speaking in higher education: a qualitative survey // Journal of Further and Higher Education. 2021. Vol. 45. No. 9. P. 1281–1293.

Yalaeva N. V., Sadykova N. V. The main principles of developing students' language competence in English classes at a law school // Modern Pedagogical Education. 2021. № 7. P. 108–111.

References

Alekseeva T. D., Suslina A. A. (2018) Professional'no orientirovannoe obuchenie angliiskomu yazyku na starshikh kursakh v neyazykovom vuze [Professionally oriented English language training for senior students in not language high school]. In *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, no. 1, pp. 13–17.

Borovkova M. V. (2020) Ispol'zovanie pedagogicheskoi tekhnologii «Debaty» v obuchenii professional'no-orientirovannomu inostrannomu yazyku studentov-yuristov kak osnovopolagayushchii faktor v formirovanii klyuchevykh kompetentsii yurista [The use of pedagogical technology «Debate» in teaching professionally-oriented foreign languages to law students as a fundamental factor in the formation of key competencies of a lawyer]. In *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 5, pp. 119–121.

Golovanova I. I. (Ed.) (2009) *Metodika publichnogo vystupleniya* [Methods of public speaking]. Kazan, Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 107 p.

Grieve R., Woodley J., Hunt S. E., McKay A. (2021) Student fears of oral presentations and public speaking in higher education: a qualitative survey. In *Journal of Further and Higher Education*, vol. 45, no. 9, pp. 1281–1293.

Levitan K. M. (2001) Podgotovka yuristov v FRG (iz opyta mezhdunarodnykh svyazei UrGYuA) [Training of lawyers in Germany (from the experience of international relations of the USLA)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 145–152.

Levitan K. M. (Ed.) (2021) *Angliiskii yazyk dlya yuristov = Legal English + ePrilozhenie* [English for lawyers = Legal English + eAppendix]. Moscow, Knorus, 552 p.

Rodina I. V., Promah L. V. (Eds.) (2018) *Kul'tura russkoi delovoi rechi i delovaya ritorika* [Culture of Russian business speech and business rhetoric]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 200 p.

Soboleva O. S., Savitskaya T. P. (2020) Metodicheskie aspekty podgotovki publichnogo vystupleniya na angliiskom yazyke v neyazykovom vuze [Methodological aspects preparations for public speech in English in a non-language university]. In *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*, no. 4, pp. 124–136.

Yalaeva N. V., Sadykova N. V. (2021) The main principles of developing students' language competence in English classes at a law school. In *Modern Pedagogical Education*, no. 7, pp. 108–111.

Yushkova N. A. (2018) Razvitie kompetentsii studentov-yuristov v rabote s mul'timediinymi prezentatsiyami [Law school students' skill development in the context of multimedia presentations]. In *Lingvokul'turologiya*, no. 12, pp. 259–265.

Zabrovskaya A. A., Rubleva E. A. (2017) Navyk provedeniya prezentatsii i samoprezentatsii kak neobkhodimyi element obucheniya inostrannomu yazyku v nelingvisticheskom vuze [The skill of presentation and self-presentation as a necessary element of teaching a foreign language in a non-linguistic university]. In *Gumanitarnyi vestnik*, no. 6, pp. 1–14.

РЕШЕНИЕ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК АКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Чуркин Артур Петрович

Магистрант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-4105-6276, e-mail: Churkin_555@mail.ru.

В статье дается общая характеристика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму. Изучена нормативно-правовая и теоретическая база по данному вопросу. Выделены особенности такого акта прокурорского реагирования, как решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения. Обозначены проблемы реализации на практике данного акта, предложены пути их решения.

Ключевые слова: решение прокурора, приостановление деятельности, общественное или религиозное объединение, акт прокурорского реагирования, экстремистская деятельность

Для цитирования: Чуркин А. П. Решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, как акт прокурорского реагирования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 64–70. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_64.

A DECISION TO SUSPEND THE ACTIVITIES OF A PUBLIC OR RELIGIOUS ASSOCIATION CARRYING OUT EXTREMIST ACTIVITIES AS A PROSECUTOR'S RESPONSE ACT

Churkin Arthur

Master student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-4105-6276, e-mail: Churkin_555@mail.ru.

The article gives a general description of the prosecutor's supervision over the implementation of laws on countering extremism. The legal and theoretical framework on this issue is studied. The features of a decision to suspend the activities of a public or religious organization as a prosecutor's response act are highlighted. The problems of implementation of this act are indicated, and ways of solving them are proposed.

Key words: prosecutor's decision, suspension of activities, public or religious associations, prosecutor's response act, extremist activity

*For citation: Churkin A. (2022) A decision to suspend the activities of a public or religious association carrying out extremist activities as a prosecutor's response act. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 64–70, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_64.*

Экстремизм и терроризм являются насущными проблемами человечества. Они преследуют цель дестабилизации, насильственного изменения устоев жизни. Именно поэтому пресечение этих явлений настолько важно как на международном, так и на национальном уровне. В современной российской действительности наблюдается череда реформенных трансформаций в сфере государственной политики, правотворчества, направленного на противодействие экстремистской деятельности.

Органы прокуратуры активно участвуют в решении проблем, возникающих в сфере взаимодействия государства и религиозных и иных общественных объединений. Так, приказ Генерального прокурора РФ от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» предписывает «принимать исчерпывающие меры по выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, средств массовой информации».

Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия экстремизму является самостоятельным направлением деятельности органов прокуратуры. Ее специфичность проявляется в том, что в большинстве своем она носит предупреждающий характер. Кроме того, в отличие от иных направлений деятельности, здесь прокурору предоставлен присущий лишь данному надзору круг полномочий и актов прокурорского реагирования. Перечень указанных актов прокурорского реагирования установлен Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремистской деятельности): предостережение и предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности; предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через СМИ; заявление о ликвидации деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, прекращении их деятельности; заявление о признании материалов экстремистскими; решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения.

Особое внимание следует уделить такому акту прокурорского реагирования, как решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность.

В 2021 г. в результате проведения прокурорской проверки соблюдения законодательства об экстремизме было установлено, что длительное время на территории Санкт-Петербурга действовали нацистские группировки, объединенные названием «Невоград». Их члены совершали насильственные действия в отношении лиц различных национальностей, вероисповедования и расовой принадлежности. Лидеры данных группировок не только распространяли идеи расизма и национализма, но и освещали сведения о совершаемых ими насильственных действиях. После обращения в суд с заявлением о признании деятельности объединения «Невоград» экстремистской и ее запрете на территории Российской Федерации прокурором было принято решение о приостановлении деятельности указанного общественного объединения. По итогам рассмотрения дела Санкт-Петербургский городской суд вынес решение об удовлетворении заявленных требований¹.

Подобная практика имела место в Республике Татарстан. 17 октября 2021 г. прокурором Республики Татарстан было принято решение о приостановлении деятельности общественного объединения «Татарстанское региональное всетатарское общественное движение – Всетатарский общественный центр»².

Возможно ли приостановить деятельность общественной или религиозной организации, осуществляющей экстремистскую деятельность, до вынесения решения суда о запрете деятельности такой организации? Статья 10 Закона о противодействии экстремистской деятельности закрепляет: «В случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу

¹ По инициативе прокуратуры общественное объединение «Невоград» признано экстремистской организацией // Прокуратура Санкт-Петербурга: офиц. сайт. 2021. 25 окт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=66199661 (дата обращения 03.02.2022).

² Перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. 2021. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-obshestvennyh-i-religioznyh-obedinenij-deyatelnost-kotoryh-priostanovlena-v-svyazi-s-osushestvleniem-imi-ekstremistskoj-deyatelnosti/> (дата обращения 03.02.2022).

причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления». Таким образом, прокурор вправе своим письменным решением приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления. Об этом говорят и ст. 14 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», ст. 42 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Исходя из этого, возможны три варианта развития событий. Если общественное объединение устраняет нарушения, послужившие основанием для вынесения решения, оно возобновляет свою деятельность. Если суд не удовлетворит заявление о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности, данное объединение возобновляет свою деятельность после вступления решения суда в законную силу. При удовлетворении заявления о ликвидации (запрещении деятельности) организация подлежит ликвидации, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, запрещается.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, в то числе вынесенное прокурором, имеет преюдициальное значение для решения суда, которым рассматривается соответствующее административное дело¹.

Для понимания сущности обсуждаемого акта следует рассмотреть понятие «акт прокурорского реагирования». В литературе существует множество подходов к его определению. Одни исследователи считают, что акт прокурорского реагирования представляет собой действие прокурора, облеченное в письменную форму, направленное на устранение выявленных прокурором нарушений при реализации его полномочий². Другие указывают, что акт прокурорского реагирования означает «решение прокурора, закрепленное в специальном документе, с помощью которого он реагирует на выявленные вследствие применения правовых средств надзора правонарушения»³.

Е. Р. Ергашев, говоря об акте прокурорского реагирования как о составляющей части средств прокурорского реагирования, указывает, что это «специфическое правовое средство прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона, применяемое в установленном законом порядке компетентными должностными лицами органов прокуратуры в ходе осуществления своих надзорных и ненадзорных полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона, восстановление нарушенной законности, устранение причин и условий, способствующих нарушениям закона, а также привлечение к ответственности виновных лиц»⁴.

Можно выделить следующие признаки обсуждаемого в статье акта прокурорского реагирования:

1. Является частью правовых средств прокурорского реагирования.
2. Представлено в письменной форме, что отличает его от иных средств прокурорского реагирования.
3. Представляет собой правоприменительный акт, так как основывается на применении существующих норм к конкретным правоотношениям.
4. Носит индивидуальный характер, что также характерно для правоприменительного акта. Каждое решение должно быть принято с учетом конкретных обстоятельств, применение формального подхода недопустимо.
5. Носит обязательный характер. За нарушение установленного предписания применяется ответственность.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64.

² *Авагимова Ю. А.* Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2017. № 2. С. 65.

³ *Юридическая энциклопедия JUS EST / под общ. ред. О. С. Капинус. М.: Буки Веди, 2017. С. 21.*

⁴ *Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для вузов / под ред. Е. Р. Ергашева. М.: Юрайт, 2022. С. 140.*

6. Цель его вынесения – восстановление нарушенной законности, устранение причин и условий, способствующих нарушениям закона, а также привлечение к ответственности виновных лиц. Результатом же вынесения решения должно быть достижение указанных целей.

7. Применяется в ходе осуществления должностными лицами органов прокуратуры надзорных полномочий.

8. Характеризуется определенной структурой. Нормативно структура решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, не закреплена. Однако данный факт не исключает применение общей структуры правоприменительного акта.

9. Должен соответствовать требованиям законности, обоснованности, целесообразности.

10. Носит временный характер, так как действует до рассмотрения судом заявления о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности.

11. Условие его принятия – наступление в результате осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности следующих последствий: нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создание реальной угрозы причинения такого вреда.

Исходя из приведенных признаков можно сформулировать следующее определение: решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, – это индивидуальное правоприменительное средство прокурорского реагирования, представленное в письменной форме; обладающее определенной структурой; носящее обязательный характер; соответствующее требованиям законности, обоснованности, целесообразности; применяемое в ходе осуществления должностными лицами органов прокуратуры надзорных полномочий в целях восстановления нарушенной законности, устранения причин и условий, способствующих нарушениям закона, а также привлечения к ответственности виновных лиц; принимаемое в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой последствия, предусмотренные законом; действующее до рассмотрения судом заявления о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности.

Можно выделить ряд проблем, касающихся правового регулирования применения решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность.

Один из вопросов, обсуждаемых в литературе, связан с тем, что в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 11 июня 2022 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) отсутствует рассматриваемый акт. Если о закреплении процессуальных средств прокурорского реагирования в процессуальном законодательстве прямо сказано, то о надзорных средствах, содержащихся в Законе о противодействии экстремистской деятельности, закон умалчивает. «Отсюда проблемы, связанные с подготовкой и реализацией указанных средств реагирования прокуроров на выявленные нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности»¹. Некоторые авторы высказывают мнение о необходимости включения в Закон о прокуратуре актов прокурорского реагирования, предусмотренных в Законе о противодействии экстремистской деятельности, в том числе обсуждаемого решения².

¹ *Ерғашев Е. Р.* Современные проблемы правового регулирования предупреждения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности как акта прокурорского реагирования // *Право и управление. XXI век.* 2019. Т. 15. № 1. С. 12.

² *Меркурьев В. В., Борисов, С. В.* Совершенствование регламентации правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения экстремистской направленности // *Мониторинг правоприменения.* 2016. № 3. С. 53.

Полномочиями по противодействию экстремистской деятельности обладает не только Прокуратура, но и те ведомства, с которыми она осуществляет взаимодействие по данному вопросу. Так, сотрудничество указанных органов реализуется посредством совместного участия в коллегиях, совещаниях, проведения совместных предупредительных мероприятий, организации совместных учебных мероприятий для работников, а также взаимного консультирования по вопросам противодействия экстремизму¹. Цель их деятельности – предупреждение, выявление и устранение актов осуществления экстремистской деятельности, для чего зачастую используются сходные или идентичные меры. А это приводит к проблеме дублирования полномочий на практике.

Статьей 10 Закона о противодействии экстремистской деятельности предусматривается, что полномочиями по вынесению решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения обладают должностные лица и органы, которые могут обратиться с заявлением о приостановлении и запрещении деятельности общественного или религиозного объединения. Эта норма отсылает к ст. 9 того же Закона, согласно которой с таким заявлением могут обратиться как Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, так и орган государственной регистрации и его территориальные органы.

Аналогичная ситуация возникает при применении предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. А. Ю. Винокуров предлагает исключить данное полномочие из компетенции прокуроров, обосновывая такую позицию следующими аргументами. Во-первых, контролируют деятельность общественных и религиозных объединений непосредственно органы исполнительной власти (регистрирующий орган и его территориальные органы). Во-вторых, предупреждение как властное полномочие характерно в большей степени для системы исполнительной власти².

А. С. Скудин предлагает оставить за органами прокуратуры лишь полномочие по вынесению предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в отношении коммерческих организаций, за органами же исполнительной власти закрепить полномочие по вынесению указанного предупреждения в отношении некоммерческих организаций. При этом исследователь ссылается на положения ст. 5 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», в силу которой контроль за деятельностью некоммерческих организаций осуществляют уполномоченный орган и его должностные лица³.

Оба варианта решения проблемы вполне логичны и обоснованны. Принимая их во внимание, а также учитывая положения ст. 9–10 Закона о противодействии экстремистской деятельности, предложим следующее решение применительно к рассматриваемому нами акту прокурорского реагирования. Статьей 9 предусматриваются две меры пресечения экстремистской деятельности: ликвидация общественного или религиозного объединения и иной организации, а также запрещение деятельности общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом. Так как именно на регистрирующем органе лежит бремя регистрации статуса организации, включая такие процедуры, как создание, реорганизация, ликвидация, закономерно полномочия по приостановлению деятельности юридического лица передать регистрирующему органу, а за органами прокуратуры оставить полномочия по приостановлению деятельности общественных и религиозных организаций, не являющихся юридическими лицами.

Как видно из практики применения обсуждаемого акта прокурорского реагирования, копия решения направляется руководителю соответствующего общественного или религиозного объединения. В качестве примера можно привести решение прокурора г. Москва от 26 апреля 2021 г. о приостановлении деятельности обществен-

¹ Михайлов Э. М. Прокурорская деятельность в сфере противодействия органов исполнительной власти экстремизму и терроризму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. С. 18.

² Винокуров А. Ю. Борьба с экстремизмом средствами прокурорского надзора // Законность. 2002. № 11. С. 34.

³ Скудин А. С. Предупреждение экстремистской деятельности // Российский следователь. 2010. № 18. С. 37.

ного движения «Штабы Навального», согласно резолютивной части которого копия решения была направлена руководителю общественного объединения, а также руководителям региональных штабов¹. Однако ст. 10 Закона о противодействии экстремистской деятельности не содержит норму о необходимости направления решения. Соответственно, законодателем не предусматривается необходимость при формировании резолютивной части указывать на направление копии решения. Более того, статьей также не определяется структура решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения.

Между тем в ст. 20.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении деятельности. Из чего следует, что ненаправление решения может привести к неосведомленности о вынесенном акте прокурорского реагирования и, как следствие, нарушению общественным или религиозным объединением административного законодательства.

Устранение неопределенности в данном вопросе возможно путем дополнения ст. 10 Закона о противодействии экстремистской деятельности нормой о необходимости направления прокурором решения о приостановлении деятельности в соответствующее общественное или религиозное объединение.

В практике применения актов прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением законодательства об экстремизме можно выделить ряд недостатков: несвоевременность их применения; неточность и размытость формулировок; отсутствие четко обозначенных требований; ссылки на недействующее законодательство.

При обсуждении путей решения указанных проблем высказывается мнение о необходимости применения мер пресекательного характера и персональной ответственности виновных лиц. Кроме того, предлагается введение новой меры прокурорского реагирования, которая позволяла бы привлекать к ответственности руководителей организаций и других должностных лиц, а также коллегиальные органы управления. «Инициированные прокуратурой вопросы о персональной ответственности виновных мог бы рассматривать суд с возможностью широкого спектра наказаний – от штрафа до увольнения или запрещения заниматься определенным видом деятельности за допущенные нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности»².

Подведем итоги.

Во-первых, такой акт прокурорского реагирования, как решение о приостановлении деятельности общественной или религиозной организации, необходимо включить в Закон о прокуратуре.

Во-вторых, следует устранить дублирование полномочий по вынесению решения о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, для чего предлагается распределить их между прокуратурой и органами исполнительной власти.

В-третьих, надлежит дополнить ст. 10 Закона о противодействии экстремистской деятельности нормой о необходимости направления прокурором решения о приостановлении деятельности в соответствующее общественное или религиозное объединение.

Список литературы

Авагимова Ю. А. Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2. С. 64–66.

Борисов С. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.

Винокуров А. Ю. Борьба с экстремизмом средствами прокурорского надзора // Законность. 2002. № 11. С. 33–36.

¹ Незаконность сноса памятника Дзержинскому на Лубянке и огонь по штабам Навального // Правд.информ. 2021. 26 апр. URL: <https://trueinform.ru/modules.php/modules.php?name=Laid&sid=67246> (дата обращения 13.02.2022).

² Борисов С. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 27.

Ергашев Е. Р. Современные проблемы правового регулирования предупреждения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности как акта прокурорского реагирования // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 1. С. 11–17.

Меркурьев В. В., Борисов С. В. Совершенствование регламентации правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения экстремистской направленности // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3. С. 50–57.

Михайлов Э. М. Прокурорская деятельность в сфере противодействия органов исполнительной власти экстремизму и терроризму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 22 с.

Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для вузов / под ред. Е. Р. Ергашева. М.: Юрайт, 2022. 474 с.

Скудин А. С. Предупреждение экстремистской деятельности // Российский следователь. 2010. № 18. С. 35–37.

Юридическая энциклопедия JUS EST / под общ. ред. О. С. Капинус. М.: Буки Веди, 2017. 798 с.

References

Avagimova Yu. A. (2017) Ponyatie akta prokurorskogo reagirovaniya cherez ego sushchnost' [The concept of the act of prosecutor's reaction through its essence]. In *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, no. 2, pp. 64–66.

Borisov S. V. (2011) *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov o protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Prosecutor's supervision over the execution of laws on countering extremist activity: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 30 p.

Ergashev E. R. (2019) Sovremennye problemy pravovogo regulirovaniya preduprezhdeniya prokurora o nedopustimosti osushchestvleniya ekstremistskoi deyatel'nosti kak akta prokurorskogo reagirovaniya [Modern problems of legal regulation of the prosecutor's warning about the inadmissibility of extremist activities as an act of prosecutorial response]. In *Pravo i upravlenie. XXI vek*, vol. 15, no. 1, pp. 11–17.

Ergashev E. R. (2022) *Prokurorskii nadzor v Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation]. Moscow, Yurait, 474 p.

Kapinus O. S. (2017) *Yuridicheskaya entsiklopediya JUS EST* [The legal encyclopedia JUS EST]. Moscow, Buki Vedi, 798 p.

Merkur'ev V. V., Borisov S. V. (2016) Sovershenstvovanie reglamentatsii pravovykh sredstv prokurorskogo reagirovaniya na pravonarusheniya ekstremistskoi napravlenosti [Improving the regulation of legal means of prosecutorial response to extremist offenses]. In *Monitoring pravoprименeniya*, no. 3, pp. 50–57.

Mikhailov E. M. (2016) *Prokurorskaya deyatel'nost' v sfere protivodeistviya organov ispolnitel'noi vlasti ekstremizmu i terrorizmu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Prosecutorial activity in the sphere of counteraction of executive authorities to extremism and terrorism: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Rostov-on-Don, 22 p.

Skudin A. S. (2010) Preduprezhdenie ekstremistskoi deyatel'nosti [Prevention of extremist activity]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 18, pp. 35–37.

Vinokurov A. Yu. (2002) Bor'ba s ekstremizmom sredstvami prokurorskogo nadzora [The fight against extremism by means of prosecutorial supervision]. In *Zakonnost'*, no. 11, pp. 33–36.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 26.09.22.
Уч.-изд. л. 7,77. Объем 1,37 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит